Сумерки

Хуан Бранко

@anatolium

https://youtu.be/yEtmZKE5jhw

В стране происходят различные потрясения, в которых укоренились ненависть и насилие. Это расследование интимных мотивов макронистического режима, написанное в октябре 2018 года, вселяет доверие в эти ненависть и насилие, которые стали гораздо более презираемыми.

Оно институционально непроницаемо из-за связей коррупции, кумовства и эндогамии, которые вот-вот будут выявлены.

Однако все эти факты были тщательно расследованы и проверены. Они разоблачают крупный демократический скандал: захват власти небольшим меньшинством, которое затем обеспечило перераспределение ростовщичества в пользу собственного народа, что объясняет всплеск насилия, свидетелями которого мы стали.

Кто объясняет это тем, что скандал, которому она подвергается, не был назван или раскрыт, подпитываемый чередой компромиссов, которые могут лишь разразиться. В стране, где 90% прессы находится в руках нескольких миллиардеров, раскрытие истины является сложным вопросом, и способность говорить и понимать реальность продолжает ухудшаться для лидеров и "элит", а также для "народа".

Каждый второй француз - опрос *Югова от* 4 декабря 2018 года [1]- хочет, чтобы Макрон ушел в отставку. Мы должны измерить силу этой цифры: речь не идет о том, чтобы сказать, что один из двух французов не хотел бы видеть президента Республики. Однако каждый второй французский народ, подавляющее большинство которого верит в существующую политическую систему и придерживается ее почти год спустя после президентских выборов, считает, что их результаты должны быть признаны недействительными в результате ухода человека, который теоретически должен был руководить ими в течение пяти лет.

1https: //www.capital.fr/economiepolitique/lamoitiedesfrancaissouhaitentlademissiondemmanuelmacron1318654

Из этого нетрудно сделать вывод, что очень значительное большинство одобрило бы его, если бы осенью этого года или после этого произошло увольнение.

Как это можно объяснить, если формально это существо, похоже, соблюдало все условия, при которых выборы кажутся демократичными?

Проще говоря, продемонстрировав, что это существо лишь *формально* уважает нашу демократическую систему, а вместо этого рушит ее. И что противозаконность, которую ощущает большинство наших сограждан, является реальностью.

Наши журналисты и комментаторы, политические партии, всегда будут отказываться говорить об этом и верить в это, расследовать это. Это естественно, потому что, как мы покажем, они были соучастниками и главными векторами имевшего место демократического изнасилования - игры видимости, в которой духовное существо было представлено народу, чтобы скрыть свою реальность.

Слова трудные. И все же, вы поймете: они оправданы. Тот, которого мы собираемся символически победить, взял власть, буквально, за счет демократических и республиканских принципов, которых мы придерживаемся, и по которому мы требуем его ухода или увольнения.

В призыве Эммануила Макрона уйти нет мятежа, потому что именно он и те интересы, которые сформировали его, вели себя как мятежник, чтобы захватить власть. Давайте оценим важность этих слов, которые начинаются с любых *политических* разногласий: это сам смысл нашей конфронтации с этим существом, сама идея, что мы будем принадлежать к одной и той же группе, затронута.

Мы находимся в исключительной ситуации.

*

Обратите внимание на следующее. Никакой институциональный голос в средствах массовой

информации, политических партиях или в других местах не свидетельствует об этом стремлении к импичменту, когда, как мы видим, это касается, по *крайней мере,* половины населения. Ни один из них, за исключением желтых жилетов, которые приглашаются и с ними обращаются с фольклором, чтобы дискредитировать их по телевизору, не взялся за эту основную претензию. Однако в демократическом и либеральном представительном обществе роль средств массовой информации и политики заключается в том, чтобы открыто высказываться и выражать намерения населения. Если она не вмешивается и не вмешивается с такой жестокостью, то нарушается принцип нашего режима.

Это, как и только это, оправдывает насилие, которое взорвалось. Ибо как эти существа могли заставить себя услышать, в системе, где их слово не только отрицается, но и просто становится невидимым? В этом парадоксе, что никто не хочет иметь дело, доказательство глубокого провала, неудачи, которые должны быть исправлены.[2]

Похоже, все попали в ловушку того, что будет называться олигархической системой, и мы будем оправдывать это. Это общественное пространство, в котором доминируют люди, чье благосостояние прямо или косвенно зависит от государства и которое инвестировало его в контроль над средствами массовой информации и тем самым обеспечивает сохранение своих интересов в ущерб общему благу.

Го сударство, которое мы видим сегодня и без всяких шансов, в то время, когда люди отстаивают свои права, больше не посвящает себя этому общему благу, а поддержанию порядка, то есть тому, что существует, и тех, кто установил там свои права. В том числе для обслуживания населения.

Сейчас нам нужно продемонстрировать, что Эммануэль Макрон был "размещен" гораздо больше, чем был избран. что пресса действует в этой области с соучастием. И что гнев и

2 Франция, находящаяся в неподчинении друг другу в своем стремлении к обновлению, стремится лишь к роспуску парламента, ради чего мы задаемся вопросом, что бы это принесло нам. Народный митинг, запаниковав, призывает к "уважению институтов пятой республики". Остальные незначительны.

стремление к увольнению, которыми движет большинство наших сограждан, узаконены.

*

В Twitter и других источниках мы рассказали о механизмах, приведших к организации двадцатичасового заседания TF1, интервью президента Франции 2, назначении и найме журналистов по различным признакам, системах компромисса и перераспределения, которые создаются на всех уровнях для обеспечения того, чтобы не было сказано ни слова о том, что механизмы, регулирующие производство сограждан, являются легитимными.

Мы уже говорили в других местах о том, как Эммануил Макрон осуществил реальное демократическое изгнание, единственным выходом из которого может быть авторитарное ужесточение режима - до предела - или крах.

То, что мы собираемся здесь раскрыть, это то, что позволило установить эту власть на практике. Так, например, Эдуард Филипп из ниоткуда поднялся на пост премьер-министра после того, как между лоббистскими миссиями крупной ядерной компании и различными аппаратными разногласиями с *"Республиканцами" оказался в* плачевном положении. Как и почему Людовик Чакер и Александр Беналла были завербованы в Елисее для создания преторианской гвардии в качестве "частной полиции" Эммануила Макрона, по словам модели Бернарда Арно, он был представлен Бернару Скварчини, бывшему директору DGSI, в отношении которого в настоящее время ведется расследование, поскольку он направил своего нового начальника LVMH, его сети и иногда секретные службы в нашу страну.

Как все это, несмотря на мужественные расследования некоторых, так и не было сказано должным образом.

Мы поговорим о том, почему Эдуард Филипп занял такое место с Эммануилом Макроном, где *свободная пресса* и сотни

ее журналистов были удовлетворены тем, что Макрония продиктовала ему эту историю.

Здесь мы продемонстрируем, что в данном случае, как и в случае с сотнями других, не существует демократического нарратива. Только на таких важных событиях, как назначение главы правительства, Франция осталась ослепленной. И что поднимаемая в связи с этим демократическая проблема носит онтологический характер[3]: она угрожает нашему режиму, лишая его руководителей всякой легитимности, поскольку превращает их избрание в фарс, направленный на маскировку реальных сил, которые их подталкивают. Мы покажем, как существо, Жан-Пьер Жуе, которого знают все политические журналисты, о котором никто не расследовал в своих репортажах Макронии, как это произошло, с Генри Эрмандом - миллионером, отвечающим за финансирование частной жизни Макрона, - и Ксавье Нилем, президентом Макроном.

Здесь будет показано, что система, созданная этими существами, была достаточной для того, чтобы обойти все гарантии нашей демократии, и позволила создать власть, легитимность которой оспаривается по праву, где самоопределение и конфликт интересов были установлены в качестве норм, а властные люди захвачены для поддержания порядка и грабежа.
Здесь будет показано, что те, кого маленькие солдаты установленного порядка квалифицируют как "насильственные", все те желтые жилеты, над которыми так насмехались, лучше других понимают. Потому что они держатся подальше от влиятельных игр, которые гнили маленький Париж. Поскольку они не извлекают прямой или косвенной выгоды из предлогов, предлагаемых государством тем, кто соглашается на их порабощение, они сразу же поняли, какие уловки пытаются навязать им. Они поняли, что налог на выбросы углерода, помимо прочего, является лишь прикрытием для того, чтобы заставить всех платить то, что

3 Рафаэль Баке и Ариан Шемен, журналисты, которых можно было бы рассматривать вместе с некоторыми другими как эффективных директоров *мира*, но которые прекрасно осведомлены о сетях, поддерживаемых персонажем и авторами расследования в отношении него при Франсуа Олланде, вели о нем огромное молчание после избрания г-на Макрона.

некоторые, через ISF, *выход*, *единый налог* и тысячу других устройств, собирают.

Эта связь между фактами, эта дискурсивность, ни один из членов нашей "элиты" не стремился реализовать ее в этот период в публичном пространстве. Именно они, те, кто должен был быть "неграмотным", узаконены как сограждане.

Этот текст призван продемонстрировать, что именно те, кто требует ухода Президента, а не те, кто защищает его от имени институтов, обратили свое внимание на защитников нашей Республики и демократии.

*

Во Франции произошло насильственное восстание 24 ноября 2018 года. Это насилие, в отличие от насилия, ежедневно совершаемого в отношении нас теми, кто ставит себя под угрозу систему, было совершенно нецелесообразным. Будучи нацеленной, продуманной, раздраженной политикой, которая усиливает и без того невыносимое неравенство и разрушает общество, она нападает на товары и функции. Как освободительница, она была источником радости и связи. Под контролем, это было продумано.

В обществе, где всегда одни и те же люди страдают от неопределенности, боятся потерять свое положение и нестабильности, это меняет роли. Теперь буржуазия и оседлые, теперь мародеры и спекулянты дрожат. Теперь те, кто весело, радостно, не опасаясь ответной реакции, компромисса, были разоблачены.

Вот почему существо, подобное мистеру Кутюрье, так упорно атакует революцию, что он чувствует себя первым объектом. Вот почему *Ле Монд* так боится его поддерживать.
Этот текст объясняет и узаконивает их гнев. Это показывает, что у политики есть свои источники, и ее чувства - это реальность. Этот текст дает основание и объяснение их гневу. Это *доказывает*, что они были правы - слово сильное, слово оправданное - что они были правы. По фактам, вдали

от любой идеологии, он показывает, почему этот гнев был здоровым и необходимым. Почему они должны сдаться.

Насилие - это сбой связи. Однако сейчас нам нужно объяснить, что эта неудача была организована немногими, чтобы служить своим интересам, на уровне общества. Она была основана на тысяче компромиссов, манипуляций и различных операций, которые привели к организации незаконных выборов, которые сейчас пытается отрицать большинство.

Это насилие, которое многие сейчас требуют осудить, является *их* ответственностью и должно быть им возвращено.

I

Президентская власть вступает во тьму. С некоторой задержкой по времени, кажется, Послания расшифровывают работу восхождения, представленного в свое время как чудесное, молодого человека со светлыми храмами и небесными глазами, который, только благодаря таланту и смелости, завоевал целую страну.

Невинный рассказ об этом безупречном зачатии, повторяющийся в петле и единогласно в отчаянной прессе, трещит со сладостью начала. Как и в любом плохо обоснованном предприятии - и, как мы увидим, в макронистическом эпосе - оттенки серы покрывают со скоростью горения осколки славы, которые, как мы думали, были окончательно прослежены. На фоне власти, состоящей из закулисных и компромиссных решений, коррупции и неполноценности, судьбы, мобилизованной для того, чтобы вырвать Францию из своей судьбы, кажется, шаг за шагом. И эта подсветка имеет очень специфический цвет: цвет крови.

Это кровь не только обычных бизнесменов и коррумпированных людей, этих придворных, которых несут все власти. Она размазывает тень Эммануила Макрона более специфической субстанцией, состоящей из преступников и интригующих людей, которые, как мы думали, оказались на мели и на заднем плане.

Дело идет быстрее, чем ожидалось, откровения следуют друг за другом, и теперь проблема захвата власти достаточно быстро, чтобы государственные

пропагандистские машины вовремя прикрыли уродство подхода, вот-вот исчезнет. Интригующие мужские юношеские храмы, похоже, бисер. Пришло время нам покончить с этим.

*

Враждебные действия начались *с* публикации книги Грассета "*Мими*". Взрыв непрозрачных границ, до сих пор нарисованных под предлогом близости скомпрометированной и доминирующей прессы, текст, работа двух журналистов и писателя, проводивших расследования, подчеркивает, осенью 2018 года, одну из главных составляющих "ткани согласия", которая позволила Эммануилу Макрону одержать победу, совершив беспрецедентное, почти физическое избиение, которое было наложено определенной кастой на французов.

Расследование раскрывает фигуру Мишель Маршан, центральной фигуры огромного коммуникационного предприятия, которое было создано с помощью миллиардера, некоего Ксавье Ниля, для того, чтобы сделать известным и смягченным французским народом абсолютно незнакомца, который только что был кооптирован парижской элитой, чистый продукт системы, преобразованный в течение нескольких месяцев в икону, озвученную редакцией журнала "Гала VSD", мобилизованного Парижским отделом печати и другими изданиями.

Существо, чья слава, равная по своей природе с реальными телевизионными знаменитостями, могла только рухнуть через это устройство.

*

Книга рассказывает нам о втором этапе захвата власти Макроном после того, как его усыновила парижская олигархия, которую мы сейчас и представим.

Книга показывает, но плохо показывает, в какой степени самые гнилые сети во Франции связаны с теми влиятельными людьми, которые могут похвастаться элегантной моралью и достойными ценностями.

Как ни странно держится подальше от многих телевизионных и медийных каналов, расследование, проведенное Жан-Мишелем Декуджи, Полин Гуэна и Марком Леплонжоном, показывает, как бывший сутенер, ставший миллиардером, а затем олигархом, некий Хавьер Ниль, встретил в начале XX века женщину в *бизнесе*, Мишель Маршан, посаженную под арест за торговлю наркотиками, и решил быстро присоединиться к ней.

Первая странность, о которой говорилось в тексте, заключалась в том, что этого купца "Мими" встретил Хавьер Нил благодаря сетям, которые он поддерживал во время своего пребывания в тюрьме. Если один был заключен в тюрьму во Френеше, а другой в VIP-камере Департамента здравоохранения, где он находился под защитой следственного судьи Рено ван Рюмбеке, который позже скажет, что он был очарован характером, как он был во многих влиятельных людей, щадил его слишком долго в тюрьме по его просьбе - книга говорит нам, что их адвокат был общим и представил их взаимно.

Напомним, что Хавьер Нил сейчас является владельцем самых важных СМИ в нашей стране и что он поставил во главе их приспешника Луиса Дрейфуса, который отвечает не за цензуру или прямую ее произнесение, а за вербовку и увольнение, продвижение и наказание. То, что мы увидим, гораздо важнее.

Этого первого сюрприза недостаточно. Действительно, нерегулярные нравы самых богатых людей в нашей

стране больше не вызвали никакого скандала, поскольку они взяли на себя любовь и начали выкупать все СМИ страны - менее десяти из них владеют 90% печатной прессы, давайте не забывать - контролировать свой имидж или, как говорит г-н Нил, "не подвергаться запугиванию". И если Хавьер Нил прикрылся тьмой, из которой скрывается большинство его товарищей, в виде конвертов, кормивших проституцию, о которой он, кажется, ничего не знал, то мы давно знаем, что удача чаще всего является результатом трупной гнили, чем действий, квалифицируемых как беатификация.

Однако *Мими не останавливается на* достигнутом и "раскрывает" элемент, который несколько смущает благонамеренное появление нашей элиты. Внешность, о важности которой мы будем помнить: наши *доминанты* считаются законными в том смысле, что они претендуют на *лидерство*. Их примерность - моральная, интеллектуальная или перформативная - легитимизирует предоставленные им привилегии и, как представляется, является ключом к той власти, которую общество наделяет их. Если эта *империя* рухнет, то в результате все здание рухнет.

Об этом свидетельствует книга "*Мими", которую* маленький Париж из скромности не осмелился до тех пор донести до остальных жителей страны, в том числе до самой большой французской газеты *"Монд",* этой великой ежедневной газеты, которая, тем не менее, может похвастаться безупречной независимостью.

Этот элемент состоит из двух частей: Хавьер Нил и Эммануил Макрон - давние друзья, и первый мобилизовал свое состояние и свою сеть для избрания второго, пока он был совершенно незнакомым человеком. То, что Ксавье Ниель является владельцем группы *Le Monde*, а также группы *Obs* и миноритарных

пакетов акций почти всех французских СМИ, не принадлежащих другому олигарху, включая *Mediapart,* вероятно, не связано с тем, что наши журналисты, очень скромные, никогда не раскрывали свои связи, и *тем более,* что эти ссылки послужили бы источником предоставления некоторых его ресурсов на службу г-ну Макрону, которые должны были быть зафиксированы в наличных. Тем не менее, эта возможность появилась бы по *крайней мере в* начале 2010 года. Это от трех до шести лет до избрания мистера Макрона.

Элемент не является незначительным. В дополнение к очевидному нарушению избирательного кодекса и положений о расходах на предвыборную кампанию, связанных с предоставлением кандидату средств миллиардера без каких-либо заявлений, следует напомнить, что состояние Хавьера Ниля напрямую зависит от решений наших правительств - достаточно, чтобы государство отозвало телефонные лицензии, выданные Free, чтобы его состояние сразу обвалилось. Его зависимость от огромной политической власти такова, что Франсуа Фийон решил выдать лицензию на телефонную связь Free - взрывающаяся рыночная капитализация Free, более 50% которой по-прежнему принадлежит г-ну Нилю - с единственной целью - "раздражать" Николя Саркози (безусловно).

Действительно, г-н Саркози ненавидел г-на Ниля, который хорошо его вернул, *дружбу* первого с Мартином Буигесом, который видел, как его империя дрожала из-за последнего, не имея к этому никакого отношения. Г-н Фийон в своей скрытой войне с назначившим его человеком нашел для себя силы отомстить и, возможно, заставить одного из сторонников того, кого он предаст дрожать.

*

Мы понимаем важность того, чтобы г-н Нил угождал политическим и технократическим элитам нашей страны и поэтому представлял себя олигархом, вкладывая средства в прессу, чтобы эти политики оказывали ему влияние, в которое он может играть, как это делает его оппонент г-н Буигес в 20H TF1, приглашая лидеров нашей страны в соответствии с их способностью служить его интересам.[4]

Мистер Ниэль получает бесконечное удовольствие от обеда с любым молодым интригующим человеком, который проявил бы к нему интерес, если бы прошел через один из тех элитных заводов, которые гарантируют вам золотую судьбу - Политехнику, Высшую школу нормальной жизни или ENA[5]. Затем он приглашает и смотрит на этих альпинистов[6] в ресторане недалеко от *Мадлен*, создает у них впечатление, что они могут объединить усилия, и обеспечивает поддержание сердечных связей, которые он не колеблясь мобилизует в дальнейшем. Таким образом, несколько сотен высокопоставленных чиновников на момент написания статьи уже испытали любопытное *влияние, в то время как* плоть все еще нежная, а идеи плохо формируются.

Все это известно и известно всем, кто участвует в этой медиа-политической *коляске* - маленьком Париже. Поэтому удивительно, что только в сентябре 2018 года были выявлены связи между одним из важнейших олигархов нашей страны и ее президентом. Не только в том, что они должны были быть известны для того, чтобы контролировать возможные конфликты интересов и вмешательства в демократическое пространство, которые

4 https://fr.news.yahoo.com/xavier-niel-free-accuse-bouygues-faire-lobbying-gr%C3%A2ce-1339150669.html

5 Так было в январе 2014 года, когда он объявил о том, что молодой заместитель Генерального секретаря Республики станет президентом.

6 потому что да, господин Нил, вопреки легенде, созданной с помощью Мими, действительно является частью этой системы, как добрый наследник комфортной буржуазии, записавший его в один из этих подготовительных классов научной элиты, искажения республиканской школы, священной и освящающей самых младших наследников нашей страны.

г-н Нил мог бы реализовать, но и в том, что они позволили бы снять завесу над безупречной концепцией, которая совершила чудо во время выборов Макрона. Проголосовали бы мы бы так же, если бы знали, что этот замечательный молодой человек, тронутый благодатью и появившийся из ниоткуда единственной силой своего таланта, на самом деле был бы движим одним из самых влиятельных и влиятельных людей во Франции, который, как мы подозреваем, действовал не без интересов, еще до его знакомства с французским?

*

Конечно, нет, конечно, нет. И все же, когда дело стало известно, мы молчали. Никто не стучал. И только после выхода книги, в которой обоим были посвящены лишь две короткие главы, полтора года спустя после этих выборов и по крайней мере четыре года спустя после их первой встречи, эта информация была раскрыта и воспринята, осторожно и без комментариев, неким Рафаэлем Баке, хорошо осведомленным об этих вопросах, журналистом из Ле *Монд.*

Мы тем более удивлены, что он находится в доме Хавьера Ниля, на станции F - построенной в Париже при поддержке мэра Парижа Анны Идальго, которому Хавьер Ниль представил свою *госпожу* Жан-Луи Миссику, спутницу Свободы с первого часа и назначил первого заместителя мэра, второй заместитель которого, Кристоф Жирар, также является сотрудником компании Arl Жирарда; Поэтому именно в рамках этой высоко оцененной станции F, построенной с помощью государственной власти и полностью посвященной славе Хавьера Ниля, Эммануил Макрон был несколько раз встречен и даже говорил об этих "мелочах", которые мы видели на станциях, эти уменьшенные граждане, в отличие от него и его сторонников, чтобы взять RER и метро.

Дезинформированный гражданин мог подумать, что это было чистое и счастливое совпадение, что г-н Нил и г-н Макрон обменялись визитами и демонстрациями любви и поддержки в местах, которые, как представляется, от школы 42 до станции F преследовали цель служить общему благу, а не своему влиянию и репутации. Но журналисты, как и господин Нил хвастался во всем Париже тем, что любит и стремится быть избранным, а затем поддерживает своего друга? Несмотря на то, что они знали о поддержке, которую государственные власти оказали реализации этих платформ, что они хорошо понимали трудности, которые могут вызвать организацию этих сходств, гиперконтролируемых демонстраций силы, инсценированных с видимостью безрассудства модернизировать образ г-на Макрона, создают впечатление, что он воплощение нового, создать у себя уверенность его самых встревоженных созданий этих революций, которые так беспокоят?

*

Давайте не будем об этом забывать, хотя тот факт, что этот элемент так долго остается скрытым, достаточно ставит под сомнение целостность нашего медиапространства и демократическое здоровье нашей страны. Потому что оказывается, что наши коллеги идут дальше. Действительно, они не довольствуются, как ни в чем не бывало, тем, что сказали нам, что два человека, связанные с мафией и остававшиеся близкими к ней, объединились, чтобы избрать незнакомца в Президенты Республики, мобилизовав богатства и сети, чтобы сделать его известным и навязанным французам, в том, что он будет служить их интересам.

Посредством последовательных попыток выяснить, каким образом Ксавье Ниель вмешался в демократическое пространство, чтобы сделать

известным своего протеже, а затем и избранным, мы также обнаружили, каким образом он оказался в самом центре нашего демократического пространства. Так, в книге мы узнаем, что именно Хавьер Ниель предложил Мишель Маршан позаботиться об имидже Эммануила Макрона и его жены во время встречи, организованной в его особняке с последней.

Этот частный особняк, в котором проходила эта важная встреча, представляет собой не что иное, как мраморную копию *Большого Трианона.*

Мими Марчанд, королева популярной прессы, осужденная за торговлю наркотиками - она была арестована за вождение грузовика с 500 кг гашиша - была сфотографирована в офисе г-на Макрона в июле 2017 года.

Человек, который, не колеблясь, подвергает опасности частную жизнь людей, запугивает их и использует свои источники для уничтожения того или иного лица по приказу, был лицом, ответственным за за зачисление г-на Макрона во французскую армию. Мими Марчанд, или торговец секретами, который был в центре внимания народной прессы в течение двадцати лет, способный заставить замолчать информацию, даже если это в общественных интересах, через несколько минут показать и разоблачить обнаженные тела, чтобы унизить или освятить их.

Пока мы хорошо ей платим.

Мими Марчанд и его дни в тюрьме, его сети в мафии и полиции, его приспешники и папарацци, его угрозы и насилие, его конверты с наличными, которые убили не одного, являются очень близкими друзьями Эммануила и Бриджитт Макрон.

И эту же Мишель Маршан познакомила с Бриджитт Макрон-Трогно ее "другом" Ксавье Нилем в ее частном особняке, чтобы заставить замолчать информацию и превратить Эммануила Макрона, известного тогда неизвестного, богатого банкира, который использовал государственные сети, чтобы сделать свою судьбу, подвергая сомнению свое будущее, превращая его в идеального зятя, и вызывая симпатию, что у него ничего не создавалось.

Операция, по мнению авторов книги, имела успех, поскольку именно она явилась причиной появления - не менее чем 29 дифирамбиков, которые *Paris Match* и некоторые другие предоставили Эммануилу Макрону и его жене за несколько месяцев.
Двадцать девять из них.

*

Но как одинокий человек, женщина вроде Мими Маршанд, одна или при поддержке одного миллиардера, мог спровоцировать такое обращение? Он кажется слишком большим.

И это так. Действительно, мы начинаем сопоставлять вещи и неразговорчивые вещи, которые стоят за этими расследованиями. Владелец *Paris Match*, Арно Лагарьер, авторы которого утверждают, что Мими Маршан является истинным главным редактором, также был клиентом Эммануэля Макрона во время его пребывания в Ротшильде, что не упоминается в книге. Как сообщает *Vanity Fair, оказалось,* что приспешник г-на Лагардера в СМИ, некий Рамзи Хирун, был передан г-ну Макрону Арно Лагарре, как только он был назначен министром экономики, ответственным за его коммуникацию. Именно благодаря союзу Мими Маршан и Рамзи Хируна, Ниля и Лагардера стало возможным осуществление этой коммуникационной операции.

Господин Лагардер - наследник огромной империи, которую по своей посредственности он шаг за шагом снимал с себя шкуру. Состояние его семьи было заработано государством.

*

Получается, что сделка сработала настолько хорошо, что неудивительно, что редактор Paris Match, назначенный после увольнения предыдущего по просьбе Николя Саркози, должен уйти в отставку летом 2018 года, был не по милости Бриджит Макрон к мастеру Арно Лагардера Рамзи Хируну, который позвонил по просьбе Мими Маршан, боявшейся потерять свое главное реле и главный источник своего финансирования. Бриджит Макрон знала, что ей нужно было потерять, когда потеряла Мими Маршанд. Именно поэтому несколько дней назад Мими Маршанд была предложена для набора в Елисейские административные службы дворца, которые не желали этого делать. Арно Лагардер согласился бы.

Почему это не указано в книге *Мими,* так как не сказано, что Арно Лагардер был клиентом Эммануила Макрона, и что г-н Хирун и его берлутти были его *господином?* Потому что издатель этой книги, *Грассет*, принадлежит компании Hachette, которая была приобретена холдинговой компанией Lagardère Active, владельцем которой является некий Арно Лагардер, а ее эффективным директором является некий Рамзи Хирун.

И мы начинаем понимать, почему в этой стране никто ничего не понимает, а все чувствуют. Потому что французское общественное пространство пересекается полукомпромиссами, которые не позволяют никому иметь независимость, чтобы рассказать *все*: у каждого есть сродство, связь, зависимость от одной части этой системы,

которая не позволяет им пересекаться или заявлять. И все они, в результате, должны усечь правду.

*

Давайте начнем сначала. Один за другим, мы "обнаружили" - немного поздно, отметим, мы только в сентябре 2018 года - что, кроме того, что Хавьер Нил и Эммануил Макрон были друзьями на протяжении многих лет - чего не было сказано - что эта дружба была поставлена на службу политическому проекту и запустила сложную пропагандистскую машину, финансируемую г-ном Нилом и поддерживаемую г-ном Нилом. Лагардер вне всякого избирательного правила, по крайней мере, с 2016 года, вероятно задолго до этого; и что эта пропагандистская машина сыграла важную роль в президентских выборах 2017 года, позволив десяткам присутствующих в *Париже* людей, о которых мы только что говорили в Гале, Клоузере и VSD, попасть в руки неизвестного человека, который к тому времени был приведен в движение даже к центу имеющих право голоса лиц.

Мы понимаем, что часть этой информации не раскрыта, потому что часть важнейших СМИ в нашей стране принадлежала этому олигарху, а часть других СМИ - другому олигарху: поэтому, вопреки тому, что повторяется снова и снова малейшим журналистом, к которому мы обращаемся, существует серьезная проблема в том, что французская пресса сосредоточена в руках нескольких очень богатых людей, потому что от них зависит судьба, которые вложили в СМИ деньги. Все ругательства, озвученные журналистами, кто осмеливается задавать вопросы, в данный момент уже не смогут этого сделать.

Но дальше: мы обнаружили, что эти пресс-релизы были проданы Мими Маршанд в *основном* олигархам, поддерживавшим деловые связи с будущим Президентом Республики. Есть все основания полагать, что это было

сделано потому, что все были заинтересованы, и не только потому, что их соблазнил цвет глаз будущего президента и красота пары, которую он создал с Бриджит Макрон.

И мы узнаем это, когда узнаем, что эти журналы приняли, и это без обид - то есть, придав достаточно большое значение цензуре - для публикации "ложных эксклюзивностей" и "ложных папараццин", изготовленных с нуля агентством Мими Марчанд, *Bestimage.*

Короче говоря, г-н Макрон был представлен на глянцевой бумаге, утверждая, что он не хочет и ничего не может с этим поделать, и что французы, полагая, что они обнаруживают спонтанные изображения, обнаружили изображения, сделанные, изготовленные и финансируемые некоторыми из самых влиятельных людей во Франции, чтобы представить их с идеальной парой, которая будет служить их интересам.

В этот момент это можно сравнить с внезапным приходом некоего Путина, В., который был *поставлен на* свою должность ночью *на* демократических выборах олигархией в поисках защиты своих интересов, запаниковал, был готов продать своему народу любого бюрократа, принявшего присягу, точно так же, как г-н Макрон был вынужден через несколько месяцев быть неизвестным, чтобы быть *демократически* избранным, и по этой причине умножить на другие операции - умножить на то.

Чтобы оправдать такое сближение, отметим, что с тех пор г-н Макрон участвовал в управлении государственными СМИ, командовал и отменял программы с друзьями, которых, как он уверяет, наймут или сохранят на своих должностях - мы думаем, что г-н Делахус, как и г-н Делахус, является эмином. Макрон, которого Дельфин Эрноттт хотела снять с государственной службы в октябре 2017 года и который после вмешательства Элизе был сохранен и

отомстил в декабре того же года, навязав интервью президенту, которое осталось в летописи из-за его внутреннего характера, буквально гирлянда президента Республики со стороны государственной службы, длинный пропагандистский тоннель продолжительностью 45 минут, застреленный в Элисе. Мы думаем о Пуджадасе, хотя и не очень жестоком негодяе, который был изгнан со своего поста в день, когда г-н Макрон вступил в должность. Мы думаем о нескольких других случаях, которые, как и Мишель Филд, затронули Леа Саламе, могли бы с небольшим мужеством быть опубликованы в ближайшее время. Наконец, мы вспоминаем все другие случаи, когда г-н Макрон будет распределять привилегии и льготы - параллельно с этим эффективным контролем над частью средств массовой информации - вознаграждать тех, кто помогал ему, используя государственную политику, которая будет способствовать росту неравенства и сочетаться с разгулом авторитаризма и произвола, снижая свободу по мере роста коррупции.[7]

Мы могли бы это сделать, но в крике золота нас сразу же обвинили бы в этом. Ведь во Франции люди не умирают от убийств, когда они являются журналистами. Мы умираем только от суицида и безумия, от подавления, когда хотим противостоять правительству и отказываемся сдаваться. Люди умирают от компромисса или нестабильности, потому что механизмы заставить замолчать смелых гораздо более коварны, чем в авторитарной стране, где они вынуждены проходить через такие органы, как КВПБ, чтобы информация подвергалась цензуре. Во Франции информация разбавлена, задушена посредственностью ее производства, редактированием, высыханием постулируемых средств - ни у одного из этих олигархов,

7 От закона о коммерческой тайне до приватизации, включая *единый налог*, *налог на выезд*, отмену ISF, CICE и многих других более дискретных механизмов, существует бесчисленное множество механизмов, направленных на защиту интересов тех, кто его поддерживает, создание системы безнаказанности, параллельной сокращению общественных свобод, посредством интеграции чрезвычайного положения в верховенство закона и целого ряда законодательных и нормативных положений, которые регулярно осуждаются.

конечно, после вложения миллионов в их обратный выкуп, не осталось бы никакой идеи потерять деньги для этих СМИ, которые они утверждают, что они держат для защиты демократии. Нет, во Франции никто не пытается убить. Так как этого достаточно, чтобы назвать.

Есть много других факторов, которые могли бы сделать сравнение бездействующим, включая тот факт, что г-н Макрон прибыл не из спецслужб, а из другого не менее важного органа - Генеральной финансовой инспекции; что он был перемещен в мирное время, когда Путин был вынужден управлять Чечней в уязвимом положении, что немедленно привело его к резне и пыткам.

С тех пор мы будем отвергать параллелизм, но, тем не менее, он останется, как небольшая музыка, напоминающая нам о хрупкости нашей свободы, понимая, что различия, которые могут показаться естественными, могут быть только контекстом. Поэтому мы будем знать, что мы - это опасности, создаваемые подобными запрограммированными, заинтересованными подъемами, в условиях, где нет места, чтобы показать свою грубость, где можно сказать все, кроме механизмов, которые мешают раскрытию всего. Мы будем помнить, как другие обладатели власти в конечном счете очень жестоко взяли власть в свои руки, чтобы компенсировать свою хрупкость, после того как они показались им незначительными. Мы будем помнить, что наши элиты верили в Путина как в переходное дело, как во временный оплот демократии, так и в Макрона, как в оплот наших либералов на некоторое время. Кто бы мог подумать в 1999 году, в этой возрождающейся демократии и окончательно освободившейся от прав прошлого, что Россия была, что всего через несколько лет Политковская будет убита?

Кто бы мог подумать, что в 2017 году, когда молодой иммигрант блокировал фашизм, несколько месяцев спустя некий советник президента, Плас де ла

Контрескарп, одетый как полицейский, будет избивать демонстрантов, и за это не будет наказан? Что тысячи демонстрантов будут вновь арестованы в превентивном порядке после того, как кампания террора объявила о гибели и убийствах, развертывании тысяч полицейских и танков на улицах Парижа, чтобы предотвратить восстание, направленное на срыв системы, с превышением которой она больше не может мириться?

Нет, давайте не будем позволять себе сближаться. Но все же, нам интересно.

*

Давайте вернемся к фактам. Теперь те, кого мы только что выставили напоказ, в какой-то степени напоминают молодого человека с блондинистыми храмами и лазурными глазами, который, исходя из ничего, покорил бы страну своей единственной силой заслуг и страстной любовью, которые питала его блестящая жена. Чистота нового мира Эммануила Макрона, храброго молодого человека, способного украсть и выйти замуж за пожилую женщину, - факт, который до тошноты был подчеркнут полой и пустой прессой, поражает, и честный читатель удивлен, что раньше не узнал о его узах дружбы и вассалажа.

Мы должны настаивать на этом: мы знаем, что хотя бы частично эту информацию знало очень большое количество людей - мы думаем, в частности, об отношениях между Нилем и Макроном, поскольку раскрывали ее сами в 2016 году. Почему, кроме смелого и важного независимого журналиста Марка Эндевельда, об этом никогда не говорили? Почему до рецензирования книги Рафаэль Баке, о которой мы говорим в сентябре 2018 года (!), потребовалось время, чтобы *Ле Монд* скромно упомянул об этом, не взяв и не проанализировав информацию, или даже

спровоцировать переосмысление благословенной поддержки, оказанной тому, кто месяцами представлялся божественно прибывшим из бедра Юпитера, которому он стремился бы подражать?

Как так получилось, что эта информация не только не была опубликована, но и контекстуализирована, выделена, использована и раскрыта? Что когда это происходило, казалось бы, из пустоты, было лишь второстепенным делом, в то время как это позволяло внезапно, жестоко понять часть странных манипуляций, замаскированных под французов и заворoживших их? Как так получилось, что никто не возмущался тем, что из-за этого никто не возмущался запуском финансируемой одним олигархом и одобренной вторым пропагандистской кампании, полностью изменили ход президентских выборов? Что никто этого не заметил? Что никто в этих простых выражениях не заявил об этом и не выразил возмущения?

Какие странные силы способны цензурировать сотни политических журналистов, которые в Париже играют лишь роль разоблачения механизмов вознесения и падения и наших лидеров? Эти социально финансируемые абитуриенты, прошедшие обучение в лучших школах нашей страны, которым был предоставлен исключительный доступ к влиятельным людям для того, чтобы контролировать их от имени общества, сотни часов работы которого ежемесячно выделяются на одну и ту же цель: что они позволяют гражданам лучше понять функционирование нашей политической системы и дают им возможность голосовать осознанно, обеспечивая тем самым, чтобы наши либеральные демократии не только были формальными, но и не сводили свои институты к шараде, целью которой было бы освещение кооптаций, которые создадут наши элиты?

Какая сила позволяет заставить их замолчать и превратить мерзкую пропагандистскую операцию в тонко-вещественное чудо?

Что это за свободная пресса, которая довольствуется тем, что ее работа раздавлена грубыми пропагандистскими устройствами, которые лишают ее свободы, манипуляции, которые никогда не вызовут у нее возмущения?

Однако мы не можем придерживаться заданного вопроса.

Потому что картине все еще не хватает изображений. То, что мы только что открыли, пока еще ничего. Действительно, три наших коллеги-репортера и писателя, ответственные за это важное расследование в отношении Мишель Маршан, которые, как мы помним, представляли, как они это показали, V победу на посту президента Французской Республики, ту самую, которую генерал де Голль впервые подставил - эту женщину, арестованную несколько лет назад за рулем грузовика с 500 килограммами наркотиков, - странным образом забыли упомянуть и другие элементы, о которых они тоже знают, точно так же, как и их коллеги, упомянутые выше, забыли упомянуть во имя скромности и близости, пристойности или незначительности элементы, касающиеся отношений между Нилем и Макроном, что лишает французский народ важной информации во время принятия ими решения.

А потом мы начинаем волноваться.

*

Поскольку судьба господина Лагардера, олигарха, влияние которого будет расширяться и дальше, решена, давайте продолжим идти другим путем, а именно, что этот же Мишель Маршан также отвечал за *контроль над образом* - то есть за сокрытие любой компромиссной информации о

нем, в ущерб общему благу - другой олигарх, некий Бернар Арно, обладатель первого богатства Франции в 70 миллиардах долларов в мире, с четвертым по величине богатством. На первый взгляд, это может показаться таким же незначительным, как и "дружба" между Нилем и Макроном, если мы забыли уточнить другую информацию, что этикет и буржуазные конвенции чаще всего приводят к уклонению: а именно, что *талисман*, мятежник, человек народа Хавьер Нил, живет в наложничестве с Дельфиной Арно, дочь и наследница Бернар Арно.

Там невинный читатель спросит нас: почему это так важно? В конце концов, разве нас не учили не вмешиваться в личную жизнь людей, слабых они или могущественных? Разве мы не слышим, как это повторяется, с возмущенным взглядом, как только позволяем себе высказаться на эту тему? Разве это не мантра тех самых политических журналистов, чья полезность была поставлена под сомнение, настолько полна скромности и молчания, приличия и слепоты, что они ежедневно в своих редакциях радуются идее обмена и распространения всех этих сплетен? Тем не менее, сдерживая себя, когда дело доходит до их написания, публикации их, принимая все компромиссы, навязанные им их источники, пока они больше не станут не только резервной армией могущественных (которые они на самом деле), но и их назначенных книжников?

Давайте смеяться над ними и презирать их, тех, кто прекрасно знает, что даже при абсолютной монархии Людовика XIV от них требовалось иметь доступ к голому королю - и что поэтому нет причин держать эту информацию при *себе*. Давайте смеяться и презирать тех, кто притворяется, что не понимает важности этих механизмов воздействия, разницы между *человеком,* "ничего", как сказал бы г-н Макрон, и теми, кто имеет

средства государства или даже намного превосходит государство, и поэтому способен оказывать значительное влияние на нашу повседневную жизнь.

Давайте посмеемся над этими людьми, редакторами, которых мы видим за столом Ritz на открытии бутика Louis Vuitton, в нескольких шагах от Бернарда и Дельфины Арно, Ксавьера Ниля и нескольких других, приглашенных последними попробовать блюда, приготовленные в цветах в обмен на небольшие изделия, которые их приспешники будут производить. И давайте продолжим понимать, что, помимо беспокойства и волнений, испытываемых в связи с идеей быть ее частью, мы должны оставаться рядом с теми источниками власти, которые приносят так много, что объясняет эти неполноценные возможности.

Давайте продолжим, потому что это не единственный факт, который, как вы знаете, не только маскируется, но и старается не связывать его с другими фактами, с тем чтобы третьи стороны, граждане, могли понять, что поставлено на карту на политической арене. Давайте вспомним, что г-н Арно, который также является одним из основных владельцев средств массовой информации - *ни в коем случае не* утверждая об этом - также является ведущим рекламодателем во Франции. Таким образом, он обладает правом на жизнь и смерть над любыми средствами массовой информации. Что он, не колеблясь, удалить рекламу из дневников он не любил - угрозы банкротства, чтобы заставить их понять, что они должны были бы заплатить, если бы они когда-либо решили заняться ими. То, что это также тот же Бернард Арно, который, имея состояние поддержки нескольких стран, хотел отправиться в налоговую ссылку для содействия наследованию своих блестящих детей - и был возмущен тем, что его в этом обвинили. То, что он, наконец, тот же самый, кто завербовал бывшего директора спецслужб нашей страны, тот же, кто, не колеблясь, подтвердил некоторое время

назад, что сожалеет, что не заработал на протяжении всей своей жизни больше денег.

Тот же Бернард Арно, который делает и побеждает принцев и чьи, как ни странно, вы ничего не знаете о компромиссах и коррупции, связи влияния и невидимые, аффидадо и приспешников он использовал и имеет на протяжении десятилетий.

Тот же Бернард Арно, который использует для этой цели некую Мими Маршанд.

*

При этом один из этих других фактов, "известных на весь Париж" и при этом замаскированных под предлогом того, что он их не касается, не является незначительным, и мы увидим, почему. Один из этих фактов, который не представлял бы ни малейшего демократического интереса и оправдывал бы то, что его держали подальше от "народа", тем не менее был раскрыт неким Жаком-Жаком Бурденом во время знаменитого интервью Трокадеро с г-ном Пленелем, которое он дал перед президентом. Под бдительным наблюдением всей страны г-н Бурден позволил себе быть непристойным: знать, что главный бенефициар налоговой политики, проводимой Эммануэлем Макроном во Франции, поддерживал тесные отношения со своей женой и им, что он был их другом, и что главным бенефициаром, о котором мы говорим, был не менее чем... Бернар Арно.

Общее негодование! Спрячь эту грудь, которую мы не видим! Скандал и посредственность! Нет, вы не ошибаетесь: не этот доклад вызвал любопытство и возмущение, а тот факт, что он был заявлен.

Во имя чего этот факт должен быть раскрыт? Мы были бы так низко? У президента нет друзей, он даже так говорит!

Начавшийся цирк заставил бы людей смеяться, забыть трагедии, которые эти компромиссы, этот дух хочет и покоряет, эту фантастическую способность подчиняться порядку для каждого, кто чувствует, что его вот-вот разоблачат, спровоцируют рикошетом. На этот вопрос Президент ответил смешно: "У меня нет друзей", особенно если мы знаем некоего Ксавьера Ниля, который много лет говорит: "Как и все богачи, у меня нет друзей". Мы не знаем, сколько времени заняло слово Ниэля, чтобы стать макронианом - ну, мы бы не знали, если бы не знали, что они друзья, - но в то же время, мы могли бы понять это, если бы мы попытались услышать человека, который все время говорил, что вы должны мечтать о том, чтобы стать миллиардером. Незначительный анекдот, что пористость этой речи. И все же

Давайте вернемся к фактам, ненадолго отбросив выступления, назвав их общими позициями, и к политике, которая финансирует друг друга - мы не упоминаем, поскольку это не наша тема, то, что г-н Нил получил от г-жи Идальго до использования его от г-на Макрона, поскольку мы не будем упоминать бредовый перечень государственной политики, проводимой г-ном Макроном для защиты тех, кто заставил его подняться. Было бы так странно утверждать, что *в конце концов,* эти существа будут без идей и будут думать о политике только сквозь призму, то есть через призму того, что будет служить их интересам. Это было бы порвать с марксистским видением, которое мы считаем сбитым с толку, что делает большие транснациональные корпорации кровожадными и бесплотными молохами, где, пересекая эти пространства, мы видели только частные интересы, способные мобилизовать и проецировать себя из их ситуации в одиночку, что объясняет хрупкость и слабость, отсутствие видения этих стратегий, которые *в конечном итоге* служат большим институтам, будь то государственные или частные, чтобы укрепить их. Это был бы выход из довольно

тщетного заговора, чтобы разоблачить посредственную человечность людей, в которых верила вся макиавеллическая власть. Это было бы унизить их.

Итак, давайте останемся довольны фактами, и снова удивимся. Странно! Потому что мы обнаружили, что редактор журнала "*Медиапарт*", который согласился с лидером в отношении заявления г-на Бурдина, знал, что г-н Арно и г-н Макрон являются друзьями, но все же не имел в смелых средствах массовой информации, которые никогда не сомневались в раскрытии частной жизни влиятельных лиц, никаких письменных или опубликованных сведений. И не только это, но и то, что его коллега едва успел заявить об этом, когда возмущение упало, и его обвинили в этом вторжении, не сказав ни слова г-ну Пленелю. Неужели до 2017 года жена мужчины, которому поручено изучение касты в *Медиапарте*, Лоран Модьюи, занимала важное положение в одной из групп, в которой г-н Арно имел значительные интересы, *Карфур, и* никто ничего об этом не говорил? Или потому, что зять г-на Арно, Ксавье Ниэль, инвестировал в его средства массовой информации? Сомнительно - именно это делает ужас конфликта интересов, против которого *Mediapart превратился* в цензор. Мы не верим в это, но обязаны уведомить об этом.

Потому что за пределами этих предположений очевиден один факт: перед лицом кандидата олигархии и несмотря на его очень много глубоких расследований, несмотря на накопление фактов, которые *Медиапарт* блестяще позволил раскрыться, ежедневная газета никогда не поднималась редакционно, как это было бы против многих других политиков, и даже была приятно соучастником г-на Макрона в конце кампании телепередачи, которая бы заставила любую сторону покрасоваться. Будь то результат социологических детерминизмов или старого личного неприятия г-на Пленела по отношению к другому кандидату, которого мог бы поддержать *Медиапарт*, г-н

Меленшон - неприятие, о котором также никогда не упоминалось, - не имеет значения. Г-н Макрон, каким бы виновным он ни был, журналисты *Медиапарт* постоянно демонстрировали это, ни в коем случае не был включен в редакционный список, как многие другие лидеры, за гораздо менее важные факты.

*

Однако в то время, когда мы обнаруживаем, что первые бенефициары налоговой политики, ежегодно испаряющей миллиарды - да, миллиарды - государственной казны близки к г-ну Макрону, и что эта информация была известна журналистам, никто ничего не говорит.

Хотя эти же журналисты прекрасно знают, что все эксперты и экономические исследования показали, повторяю, что для этих решений не было никаких экономических причин, поэтому нет даже подозрений, а доказано, что мы видели лицо господина. Макрон увлекается и пытается сбежать, призывая, к несчастью ! предложение, вырванное у другого из его друзей-олигархов, утверждая, стыдно, как ребенок, пойманный рукой в банку с вареньем, что у него "нет друзей", одно чудесно: что мы делаем?

Что, по вашему мнению, может оправдать дух вдовства, который привел к расследованию, разоблачил эти связи? Не говоря уже о доносе?

Нет необходимости даже прибегать к тому или иному компромиссу: этого уже достаточно, чтобы быть жестоко смущенным. С каких пор эти журналисты узнали? Почему раньше они не только заявили об этом, но и напомнили, настаивали, настаивали, настаивали, как это сделал Жан-Жак Бурден со своей помадой, с налоговой политикой, абсурдность которой все признали, и почему это не было сделано и не было сделано снова, пока нас не стошнило от

этого? Почему ни один следователь не проявил к нему интереса, задаваясь, например, вопросом, почему строгий Макрон, человек безупречной концепции, проводил политику, столь благоприятную для наиболее привилегированных слоев населения, одновременно повышая налоги для всех остальных слоев? Но и просто как он встретил такого человека с деньгами, и с каких пор? Не говоря и не осмеливаясь задаваться вопросом, конечно, о том, какой эффект и какая поддержка могла бы принести такая дружба - или даже больше, о возможности того, что она могла бы быть объединена с дружбой г-на Ниля.

Например, идея о том, что г-н Арно оказал г-ну Макрону любую поддержку, чтобы поблагодарить его или повлиять на принятие им решений.
Поддержка, которая могла бы принять имя Мими Маршанд.

*

Короче говоря, как так получилось, что все наши делегаты, пользующиеся налоговыми льготами, правовыми и регуляторными привилегиями, от которых зависит функционирование представительной демократии, *наши* журналисты все эти годы молчали или предпочитали избегать этих фактов, утверждая, что это был бы идеологический жест, когда речь идет о несомненной корреляции, не говоря уже о причинно-следственной связи - но и как только этот факт был выявлен, они возмущались тем, что наши основополагающие ценности были защищены, а не бросались на телефоны и компьютеры, чтобы преследовать своих собеседников и тем самым гарантировать, что демократия не была извращена, что честность и целостность были соблюдены? Чтобы просто рассказать правду?

Неужели между Бернардом Арно и его зятем, между их рекламной мощью и свойствами, добавили ли они к сетям власти, которые они поддерживали, эти существа создали

такое угнетение, что его сознание постоянно размывалось, приводя к постоянному соответствию, поскольку журналисты теперь знают, что они должны обществу не их владельцы, рекламодатели, а их читатели, которые еще менее важны в своей *бизнес модели*? Может быть, так мы понимаем, что информационная индустрия во Франции постепенно разрушалась, с еще большей естественностью принимая аберрантность, смягчая общество до его распада, захватывая в мелассе чувство генерализованной гнилости, подпитываемой не энергией прессы, а, наоборот, ее неспособностью доносить, избавляться от этих постоянно разворачивающихся везде кровосмешений?

Может быть, в основе этой деградации лежит абсолютная потеря энергии, превращающая журналистов в зомби, в их буквальном порабощении несколькими миллиардерами, обладающими такой силой, что им больше даже не нужно ее использовать, и в пунктуальном порядке ограничиваться замалчиванием, покупкой, запугиванием или просто беспокоить любого журналиста, не желающего, чтобы его карьера закончилась для всех остальных, срочной необходимостью подчинения?

Почему мы ждали, когда встанет народ, прежде чем наконец искренне, искренне и искренне осудить то, что до сих пор казалось естественным - жестоко несправедливую налоговую политику, проводимую в интересах немногих - хотя бы где-то еще - сознательное или бессознательное порабощение пустило корни? Где десятки унитазов, похваливших Макрона и его жену за интимные заслуги, ставящих под сомнение его связи с господами Нилом и Арно, которые должны были появиться на следующий день после публикации *Мими*, за день до этого, когда он решил упразднить ISF, ни разу не оспаривая этого, в рамках закона о коммерческой тайне? Где недостаток скромности, который заставляет всех говорить о частной жизни могущественных людей, когда им служат, когда они решают это делать, и молчать,

как только это может поставить их в неловкое положение? Где эти фотографии и бумаги с снарядами не его голубые глаза, а отношения, представляющие интерес, которые он имел и поддерживал? Не здесь и не там проводится расследование, а везде и всегда десятки оонов и доклады, систематически агрессивные и выдвигаемые?

Чтобы убедиться, что все это всего лишь фантазия, заставьте мистера Макрона продемонстрировать то, что всем известно: что он, очевидно, всего лишь белый голубь, что нечего подозревать, что все это тщательно разделено на части?

*

Как только будет установлен реляционный факт - и это было так, - мы бы пошли дальше. В дополнение к вопросу о связи между этими дружескими отношениями и политическими предрассудками г-на Макрона, не пришлось бы ли нам искать компромиссы и конфликты интересов, которые они могли бы породить? Искать на этих охраняемых территориях, в этих неместностях Республики, которые в некоторых районах Парижа производят все компромиссы, данные, позволяющие доказать вмешательство этих олигархов в общественное пространство в пользу своих протеже? Вербовка и принятие решений о функциях, фактическом вмешательстве в их жизнь и жизнь их близких, что называется коррупцией?

Тогда возникает вопрос не только о том, с каких это пор, г-н Председатель. Макрон стал другом самой богатой пары во Франции, и как получить доступ к этим людям, против какого поколения они ценились - ведь, по словам Хавьера Ниля, есть, и мы начинаем понимать смысл его предложения, никакой дружбы в этих отношениях, что, по его собственному признанию, означает, что есть

только интересы - в то время как предполагается, что один хороший ребенок из Амьена, потерянный в одиночестве в Париже, спасаясь от семейного угнетения, чтобы построить свою судьбу ради столь многократно преувеличенной любви?

И какова связь между тем, что эта басня была задумана для того, чтобы рассказать ее большому количеству людей, и маской, которую она сразу же принесла на отношения, о которых мы только что упомянули? Была ли это чистая корреляция, или было желание спрятать одного, поставив другого? Короче говоря, будет ли это производственный процесс с самого начала?

И не должны ли мы были тогда возмущаться или, *тем более,* извиниться за то, что говорили об этом *провинциальном* джентльмене, который, не имея денег, планировал попасть в Париж из-за сокрушенной любви, посвятил себя общему благу после блестящих исследований, прежде чем был приведен в исполнение высших обязанностей государства, не жертвуя собой и готов на все ради собственной жертвы? Разве это не та история, которую сотни журналистов из *"Пари Матча Парижа"* и "Французского Телевидения" рассказывали, тратя миллионы долларов на создание документальных фильмов, рассказов, обзоров и портретов, передающих не реальность, а сфабрикованную сказку?

Это, по сути, поддерживается - мы бы не осмелились сказать - несколькими влиятельными людьми в поисках реле, в то время как все кандидаты в системе рушились, не имеет ничего общего с невиновностью, которая была заявлена. И разве мы не должны извиниться за то, что жалко заявляли об этом?

Мы уже слышим возмущение всех маленьких солдат режима, тех журналистов, которые не просто ставят свою

независимость выше всяких подозрений, но обвиняют, перед кем бы они ни предстали с фактами, разоблачающими их компромисс, в заговоре, в этих сомнениях в их целостности - как если бы они, несмотря на доказательства их неудачи, проявляли к ним хоть какую-то заинтересованность! Те, кто проводят свои дни, споря об отсутствии покорности, никогда не оказываясь в несогласии с порядком; перегруженные своим моргом и презирая диссидентов, которые осмеливаются задавать им вопросы; все те, кто, требуя своей свободы, никогда не перестанут скрывать эти факты в этот период, и кто своими испорченными отчетами о президентской кампании несет огромную ответственность в условиях краха режима, свидетелями которого мы являемся.

Мы слышим их возмущение, но на данном этапе мы можем только презирать их. Потому что эти существа показали, что им нельзя доверять. Либо из-за их грязной глупости - неспособности с минимальным интеллектом, которая делает политические отношения между олигархическими холдингами более дружественными, чем отношения между государством и президентом, средствами воздействия на реальность, либо из-за их компромисса.

*

Потому что даже если бы мы верили им - если бы верили, что от этих необъяснимых связей нечего было бы подозревать - все это потребовало бы *минимальной* и очевидной мобилизации огромных средств расследования, чтобы, наконец, закрыть дверь этим заговорщикам и другим врагам демократии, которые не довольствуются тем, чтобы повсеместно видеть зло, считают, что в Париже есть клоака, где политики продадут себя финансистам, при отсутствии внимания гнилых журналистов.

Этот монетка. Один журналист в одной книге попытался бы выполнить эту работу в срок: *L'Ambigu M. Macron* Марка Эндевельда, в то время журналиста-расследователя. И эта работа, хотя никто ничего не понимает в феномене Макрона, не будет даже рассмотрена в Le *Monde* или Le *Figaro.* Наблюдая с презрением, мы пропускали его мимо ушей, предпочитая проявить интерес и полюбоваться историей, которую делали Лагарьер и Ньель, Арно и Маршан.

Только один мужественный человек, тот же, кто позже уйдет из *Марианны* после ее поглощения чешским олигархом, некий Кретинский, инвестирующий в *Elle* и *Le Monde* для подготовки своего поглощения *Engie, которую* г-н Макрон собирался приватизировать, так же как г-н Драги купил *Libération по* просьбе г-на Голландии - просьба, переданная г-ном Макроном - чтобы получить разрешение на покупку. Мы не это имеем в виду. Прихвостень г-на Драхи, Бернард Мурад, близко знаком с г-ном Макроном на *Ярмарке тщеславия в* декабре 2018 года, без колебаний излагает способы формирования олигархии, миллиардера, нашедшего поддержку в президенте, против предоставления в его распоряжение СМИ, купленных для этой цели. Все это без каких-либо неудобств и вопросов.[8] Без возмущения.

Нет, ничего из этого не было сделано. Напротив, они предпочли задушить себя перед лицом разоблачения этого факта, полагая, что объяснения г-на Макрона - его утверждение, против всех доказательств, отсутствие друзей и против всех других доказательств - действовали рационально, ликвидировав ISF, где все эксперты и исследования противоречили этому. Мы предпочли возмущаться тем, кто пытался разоблачить все это, несмотря на то, что обнаружили в то же время, что первое

8 Это единственный факт, который мы добавляем в эту обновленную версию текста от октября 2018 года, поскольку она кажется нам такой грубой.

состояние Франции, г-н Арно, действительно был приглашен в качестве почетного гостя г-ном Макроном на государственный ужин, устроенный Дональдом Трампом некоторое время назад. Но, в конце концов, в конце концов, это было, вероятно, совпадение, и опять же: как, если это правда, это должно заинтересовать общественность? Мы вернулись к этому, приказ всегда должен был оправдывать свою трусость, чтобы не двигаться вперед. В конце концов, какое значение имели несколько миллиардов здесь, несколько миллиардов здесь? Разве политика не является вопросом эмпирики, не должны ли мы позволить им попробовать, и что, если тем временем мы ухудшим жизнь миллионов людей, чтобы сделать это?

Разве наш президент не был единственно неправ, во время встречи с Трокадеро, в целом, был смущен незначительным фактом и отрицал существование дружбы, которая была, в конце концов, естественной? Это аргумент, за которым последуют, как только все остальные будут исчерпаны, солдаты системы, с целью не убеждения, а успокоения и успокоения. Именно туда ведет компромисс.

Потому что если господин Макрон, похоже, имеет избирательную дружбу и проводит государственную политику, которая особенно отвечает интересам этой дружбы, разве не было бы естественно, что талантливые люди ценят друг друга и общаются друг с другом? Почему мы должны подозревать очевидное, где было бы так легко, перед лицом существа, которое так похоже на нас, верить в хороших фей?

Не было бы проще и заметнее приписать коллегам друг друга политический выбор других, в то время как мощное законодательство контролирует финансирование общественной жизни - давайте на мгновение забудем двадцать миллионов Бигмалионов и все повторяющиеся

случаи, которые показывают незначительность этого контроля, - и что не было обнаружено никаких следов компромисса? Почему мы должны сомневаться в бредовой настойчивости, с которой это существо, помимо МСБ, защищает содержание МКБН, которую он создал и которая каждый год стоит государству не менее двадцати миллиардов долларов, в результате чего, как и прежде, все считают это незначительным?

*

Однако давайте двигаться дальше, потому что мы еще не совсем там, и давайте продадим фитиль: все эти недостойные пульсации все еще ничтожны и приведут нас к точке синтеза.
Поэтому напомним, что в сентябре 2018 года, спустя всего полтора года после президентской кампании, якобы демократической и прозрачной для независимой и яростной прессы, книга позволила нам обнаружить, что Мишель Маршан, также известная как *Мими,* малоимущая, унизительная во всех отношениях женщина, которая, пройдя путь от тюрьмы и даже получив низкую работу, *фактически стала* президентом, и с 2016 года стала бы советником по коммуникации. Что она действовала при поддержке неизвестного прихвостня и кающегося преступника-олигарха, при поддержке другого олигарха и самого влиятельного человека во Франции, используя сети, которые держат одних за мафий и за других в самых глубинах государства - мы позже будем ссылаться на дело Squarcini; все это для того, чтобы, благодаря беспрецедентной рекламе в СМИ, сделать человека чрезвычайно благоприятным из ниоткуда, кто применит эту политику.

То, что этот шумиха в СМИ не была компенсирована, противоречила действительности, каким-либо серьезным расследованием, за исключением

расследования, проведенного г-ном Эндевельдом, тогдашним независимым журналистом. Только один журналист.

То, что это избиение было удвоено или подпитывалось последовательностью и конформизмом, сотнями хвалебных статей, иногда претендующих только на недостижимую объективность, среди серьезных и бессознательных журналистов на то, что они играли, а также документальными фильмами и различными постановками, мы будем помнить, в частности, полупустые встречи, представленные как славные, или настойчивые обвинения, представленные как блестящие, или настойчивые предложения прагматичные и обоснованные в названии существующих программных предложений.

Потому что мы прекрасно понимаем, насколько общителен характер человека и каковы его трудности перед лицом такого явления, которое каждый человек представляет как естественное и массовое явление, в плане сохранения своих суждений.
Поэтому выяснилось, что избиение было совершено, в частности, олигархом Ксавье Нилем, также осужденным преступником, обладателем седьмого состояния во Франции, зависящим от государства и пользующимся установленной поддержкой политика; олигархом, который решил, скупив наиболее важные средства массовой информации страны, первым поставить себя на службу молодому человеку, чтобы помочь ему заявить о себе и освятиться.

Тогда, по нашему мнению, а не по мнению тех наших следователей, которые по упомянутым причинам были вынуждены скрывать определенный объем информации, а также по другим причинам, которые следует упомянуть, тот же Хавьер Ниель был зятем Бернара Арно, первого богатства Франции, что тот же Бернар Арно знал

Бриджитту и Эммануэля Макрона в течение неопределенного периода времени и что ему было известно, что он не был близок с ним в течение неопределенного времени. Арно, в дополнение к налоговым льготам, которые г-н Макрон предоставил бы ему по закону, а не в виде исключения - это было бы видно слишком быстро - пользовался бы в тот же период услугами того же лица, что и он и г-н Ниель, чтобы сформировать свой имидж среди французов. И что советником по вопросам коммуникации двух самых влиятельных олигархов Франции был также президент Республики, который до сентября 2018 года "бесплатно" служил ему, ничего не зная об этом, и все это без письменного контракта, пополнив счет, в то время как г-н Макрон предъявлял миллионы французов обвинения в налоговой политике, служащей только первому, и г-н Лагардер покрывал все это, санкционировав эту политику коммуникации.

*

Подозрительный читатель спросит в этот момент: что тогда? Разве это, если не сказать, не понятно?

Прежде всего, давайте помнить, что дело не только в этом. Это, в дополнение к небольшим налоговым подаркам, не так чудесно, как можно подумать, и что их связь с политикой и их способность влиять на нее имеет решающее значение, поскольку эти удачи исчисляются миллиардами, а не миллионами.

Давайте также помнить, что конституции политических судеб во Франции, в этой славной демократии, которой мы больше не гордимся, возможно, не столько обязаны тем, чем мы верим в присущие друг другу достоинства и качества, сколько их способности соблазнять этих самых олигархов и служить им, которые, как мы видели, смогли потратить сотни миллионов на СМИ, чтобы убедить нас в

их бескорыстности. И что поддержка, оказываемая богатству одних людей - поддержка, которую Эммануил Макрон объективно создает для своих покровителей, путем принятия целого ряда налоговых и нормативных положений, которые непосредственно касаются их и не приносят никакой пользы для общего блага, - может повлиять на политическую судьбу других. Для этого вам необходимо обратиться к неприятным третьим лицам.

Короче говоря, дружба г-на Макрона с г-ном Арно и г-ном Нилом может быть не столь незначительной, как утверждалось, но, напротив, они могут иметь решающее значение, мы настаиваем на том, что это слово имеет решающее политическое значение и что они могли быть скрыты от широкой общественности по той или иной причине. И что если бы они не были замаскированы, они были бы незначительными, вторичными, задохнувшимися по той же причине.

Давайте вспомним о методах создания богатства г-на Арно, который стал самым богатым из нас: благодаря скандальной операции, проведенной за счет государства, покупке Бусака, осуществленной благодаря политической услуге, оказанной ему неким Лораном Фабиусом в восьмидесятые годы прошлого века, г-н Арно стал одним из самых богатых. Арно сумел построить свою империю, стать миллиардером, выкупить средства массовой информации, выкопав их, и, став первым состоянием Франции, подружился с президентами Республики, которые решили снизить налоговое бремя, чтобы позволить своим детям завещать нескрываемую власть - президентом, который, не колеблясь, после избрания подтвердит, что попытки налогового мошенничества являются лишь оптимизацией, и что для этого есть "серьезные основания".

Вот где мы сейчас находимся.

*

Именно благодаря своей связи с политикой, которая щедро мобилизовала ресурсы государства на субсидирование компаний, г-н Арно заявил бы, что спас их, увидев буквально предложенные ему и распущенные, - заявил бы, что предал бы социальную политику, - этот олигарх сделал свое состояние. Действительно, именно благодаря дружбе и другому попустительству, которое тогда считалось безобидным, с г-ном Фабиусом, этот г-н Арно стал тем, кем он является, в ущерб всей стране. Но прежде всего, напомним, что если бы активы, которые создали его состояние, были проданы отчаянной властью, это было не для того, чтобы избежать банкротства и увольнений - поскольку, по сути, эти увольнения имели место, - а потому что эта власть искала поддержки для поддержания себя в должности и противодействия неумолимому возвращению права с 1983 года, и стремилась построить сеть финансистов и СМИ, способных разрушить систему, которая была бы разбить их публичное пространство, и тем самым забыла обещания. Пусть они делают это в хронологическом порядке, чтобы удержать себя у власти. Чтобы отклонить демократию.

И мы начинаем понимать, как все это может повлиять на нас гораздо серьезнее, чем мы могли подумать.

Связь между мелкой и крупной коррупцией, между мелкой и большой политикой, между CICE, созданной г-ном Макроном, который все еще является Генеральным секретарем Елисейской системы, которая обошлась государству в несколько десятков миллиардов евро и первым бенефициаром которой стала бы группа Carrefour, мы все еще видим ее там - и избыточная поддержка со стороны этих же крупных компаний в обмен на нее - начинает формироваться.

И мы понимаем, что поэтому в этих вопросах дружбы есть то, что может показаться незначительным, что напрямую влияет на целостность нашего режима и на самоуспокоенность журналистов по отношению к этим влиятельным людям, что начинает становиться преступлением.

Принцип представительной демократии заключается в создании посредников, представляющих народ и общество и контролирующих действия государства и наших правительств. Журналисты в первую очередь несут ответственность за то, чтобы наши представители не использовали власть в своих собственных интересах. Если этого не произойдет, то рухнет сам смысл нашей системы, и наша демократия станет формальной - там, где она была реальной. Какой смысл было бы иметь в выборах, когда нам пришлось бы голосовать вслепую, не зная ничего об актерах, которым мы будем представлены, об интересах, которые их побудили?

*

Но давайте продолжим наше испытание, потому что мы еще не закончили с нашими откровениями. Так же как ты не становишься миллиардером без причины, ты все равно не становишься президентом. Это очевидно. Исключительность функции руководства страной слишком часто заставляет нас думать, что это будет результатом исключительности человека, принявшего ее на себя. Однако некоторые механизмы кооптации и коррупции играют гораздо более важную роль, чем те качества, которые считаются неотъемлемыми и необходимыми для руководства народов. И Хавьер Нил, который[9], как и Бернард Арно, решил инвестировать свое состояние в СМИ

9 Давайте не будем забывать, что мы являемся владельцами не только крупнейшего в мире конгломерата роскоши, способного своими рекламными возможностями убивать СМИ по своему выбору, но и непосредственно самых важных французских СМИ, *парижской* и единственной в нашей стране ежедневной экономической газеты *Les Echos*, после завершения строительства газеты *La Tribune*, ее конкурента.

и кормить свои сети, прекрасно это знает. Мы не общаемся с Мими Маршанд без причины.

Конечно, наивное существо может так думать. Затем его следует перенаправить на цитируемую нами книгу *Мими,* которая в последней книге г-на Эндевельда показывает, что Хавьер Нил, прежде чем предложить "Макрону" сотрудничать с Мишель Маршан, предложил использовать свои "сети" для проверки и, возможно, заставить замолчать информацию.

Речь идет о крупнейшем обладателе печатных изданий в стране. Тот же, кто получил в руки *Le Monde* и несколько других газет, притворяясь, что никогда не вмешивается в их содержание. Речь идет о будущем Президенте и будущей Первой Леди, господине и госпоже Макрон, которые приняли эту услугу и, в то же время, уже согласились поработить себя третьей стороной, которая стала для них всемогущественной, оказавшись в долгу перед тем, что они в любой момент могут повторно использовать, навсегда привязать себя к своей способности шантажировать их.

*

Почему это так важно? Потому что это позволяет нам понять, как работает господин Нил, который утверждает, что никогда не вмешивается в содержание *своих* газет - то, что господин Дассо, владелец *Фигаро* после прихода его отца к власти Роберта Херсана, даже не пытается сделать. мы знаем, какие соглашения он заключил в этот период с другим политиком, господин Воллсом, *через* своего отца и раньше; ни господина Лагардера, ни г-на Арно. Нам это может показаться лучше, на самом деле хуже, потому что это создает иллюзию, что журналисты кричат, чтобы защитить себя от всех доказательств, от свободной воли, которая будет сохранена всем этим, и что мы должны абсолютно избавиться от иллюзии, в которой Mediapart будет играть важную роль, опубликовав реально

фальшивое крупное расследование в отношении г-на. Иллюзия, на которой *Ле Монд* попытается сыграть в свою очередь, опубликовав крупное расследование в отношении Кретинского, когда тот выкупил акции другого маленького олигарха Матье Пигасса, притворяясь, что это то, что через эти выкупы, Мистер Кретинский Нил и Кретинский пытались избежать; слепы к гораздо большему политическому влиянию, которое они на самом деле пытались купить, что стоило небольшого неудобства.

Это гораздо хуже, потому что какой смысл вмешиваться непосредственно в содержание, когда можно положиться на таких прихвостней, как Мишель Маршан, невидимых до сентября 2018 года? Какой смысл, когда мы знаем, что можем косвенно вмешаться в производство информации через приспешника Луи Дрейфуса, который на время был одновременно генеральным директором Le *Monde*, de l'*Obs* и des *Inrockuptibles*, извинить за то, что он отвечает, во всех этих газетах, за набор и увольнение, продвижение и перевод на одну сторону всех журналистов самых авторитетных редакций Парижа, где все они работают?

Ксавье Нил никогда не подвергает цензуре статью. Какой смысл, когда его можно цензурировать - мафиозными сетями Мишель Маршан, давлением или страхом перед давлением со стороны г-на Дрейфуса, самоцензурой всех тех, кого он тщательно цензурирует, со своими олигархическими, шаткими и давящими товарищами? Зачем рисковать появляться, когда достаточно инструктировать ту или иную сторону уволить и завербовать журналистов, которым было бы больно или неприятно угождать или неприятно; просить г-жу Марчанд, чтобы та или иная информация исчезла, или дискредитировать ту или иную оппоненту, не имея возможности угадать, что ее приспешники будут запугивать, уничтожать или грабить ее; и, играя на хрупкости слабой и подневольной профессии, сдерживаемой ее трусостью, но прежде всего накоплением

капиталистических концентраций, социальных планов и постоянно растущего давления на заработную плату, чтобы никто не рисковал противостоять ему слишком много? Какой смысл, когда все, что ему нужно было сделать, это купить самые важные публикации в прессе страны, чтобы поставить себя на вершину продовольственной цепочки и гарантировать, что ни один амбициозный человек никогда не нападет на него *серьезно,* где в любом здоровом обществе Нил, как любой другой олигарх, будет восприниматься как трофей войны для любого журналиста, стремящегося сделать себе имя?

Какой смысл, когда самое главное, иметь возможность, обедать за обедом, разрешенным влиянием, оказывать влияние на иерархию режима, а также предлагать взамен подставному лицу проявить интерес к такому политику или лидеру, предложение, которое будет доведено до сведения редактора, которые, в свою очередь, и так далее - в эфире ничего, каждый сознательно игнорируя, кому этот, казалось бы, невинный интерес может служить - до тех пор, пока, наконец, не достигнет журналиста, у которого будет заказана статья, сам не узнал о механизмах, вызвавших такой интерес, как это случилось с М. Макрон, приказывает последнему вознаградить своего любимого защитника, если это необходимо?

*

Мы притворяемся, что обнаружили все это, но это фигура речи. Поскольку всемогущество его недостатков, и если бы Хавьер Нил лично объявил мне еще в январе 2014 года, когда Эммануил Макрон был единственным заместителем Генерального секретаря Елисея и неизвестен широкой общественности, что он станет Президентом Республики, то можно представить себе, что я не единственный, кто узнал об этом. И что с этого момента было бы лучше всего, если бы об этом стало

известно, чтобы предотвратить любой конфликт интересов и понять, откуда взялись все знаки уважения, которые могли бы покрыть заинтересованного в этом человека.

Там, где заложена самая основа нашей демократической системы, пресса довольствуется выявлением коррупционных связей или осуждением ошибочных налоговых стратегий. Никто, по-видимому, не обеспокоен тем фактом, что до сих пор говорят, что г-н Нил, семья Арно и Макроны встретились впервые через шесть месяцев после того, как г-н Арно встретились. Нил рассказал мне, что его друг Эммануил Макрон станет президентом Республики, и что они сделали бы это - в довершение всего - за ужином в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе, информация, которую все, даже не проверив ее, передавали, поскольку г-н Бурдин заставлял журналистов притворяться заинтересованными в этих вопросах, как если бы, к лучшему, душил их.

Никто не пытается, на все это, когда впервые власть была установлена в грубой и очевидной олигархии, чтобы действительно расследовать.

*

Ты насыщен? И все же, это еще не все! И это только начало. Потому что предполагаемый отчим Ксавьера Ниля, Бернард Арно, который взял на работу из LVMH всемогущего бывшего директора спецслужб страны Бернара Скварчини, чтобы стать его "мистером безопасности", - тот же г-н. Скварчини, который продолжает звонить своим бывшим подчиненным, чтобы они запрашивали информацию о том или ином человеке, и который по этой причине вот-вот будет приговорен, поскольку судьи осады являются, возможно, последним органом "элитных" государственных служащих, не поглощенных олигархией - Бернар Арно, поэтому, поставил

свой аппарат безопасности на службу кандидату Макрону *через* СМИ, чтобы завершить защиту, предложенную ему Зятьем Хиэлом. Это, конечно, более интересно, чем то, что LVMH одевает Бриджит Макрон - с доброй грацией, но, как ни странно, это уже вторая, а не первая информация, о которой постоянно говорят, не находя ничего возмущённого в связи с этим.

Однако опрос и осуждение того, что наша первая леди превратилась в движущуюся рекламную марку исключительно для LVMH и LVMH, злоупотребляя своими полномочиями таким образом, создавая явный конфликт интересов, может стать первым шагом. Первый шаг, который позволил бы вернуться к грязной работе господина Скварчини, но, возможно, и дальше. Что привело бы к допросу и, следовательно, к открытию того, что г-н Арно действительно знал Бриджит Макрон задолго до Ксавье Ниэля, которого он на самом деле представил г-ну Арно. Макрон к Хавьеру Нилю, по милости Бриджитт Макрон, которая сделала себя учителем своих детей в очень избирательной и закрытой частной средней школе Франклина, храме олигархии, где формируются наследники элиты страны; и что именно Бернард Арно *через* Дельфина Арно, а не незначительный Паскаль Узелот, как утверждается, сделал сам МакАрно, первым известным, а не как писательница, а как писательница Паскаль Хузелот. И поэтому понятно, что наши радостные водители медиа колясок не только не хотят скрывать информацию, но и шутливо передают ложную информацию, чтобы скрыть сети, компромиссы и конфликты интересов, которые, как они утверждают, разоблачают и контролируют.

*

Так случайно обнаружилось, что самоотверженная и щедрая Бриджит Макрон, которой восхищаются все

французы с тех пор, как наркоторговца Мими Марчанд стала ее лучшим другом и идеальной первой леди сделали две олигархи, Бриджит Макрон, муза общего блага, преподавала не в государственной школе, не в сложной школе, не там, где ее приверженность должна была бы цениться, а в одной из самых богатых средних школ Парижа, которая была выбрана добровольно и где она воспользовалась своим положением, чтобы связать себя с главным богатством Франции и представить его своему амбициозному мужу, который тогда считался неудовлетворенным и огорченным, чтобы тот был поставлен на ноги и мог легко получить от этого толчок.

Теперь у нас действительно начинает кружиться голова. Молодой человек с острыми глазами, белый голубь готов пожертвовать собой ради Франции, которая пришла из ничего, чтобы взять все это, познакомился с людьми, которые сразу бы его прозвали, если бы еще до этого он был министром или заместителем генерального секретаря Елисей, как поддержка и друг не только олигарх Ксавье Ниль, но и ведущая финансовая власть во Франции, в дополнение к его сети банка Ротшильд, которые он мог бы получить, предав Генеральную инспекцию финансов, богато наделенную сетью, поскольку предательство этого органа превратило его в сито и источник постоянных компромиссов для государства, а не контрольный орган последнего, в дополнение к буржуазии Амьенов, в дополнение к деятельности Жан-Пьера Жуе, которого мы "не собираемся обнажать", и это даже если бы оно было органическим". И напомним, что пресса, которой обладают эти люди, представит его *много лет спустя* случайно и в полной журналистской независимости, исходя из пустоты, чистого продукта гения и заслуг, одаренного качествами и мистической аурой, способной завораживать плебея только своим умом и талантом. И что ни один журналист до сих пор не осудит навязанную ему коммуникационную операцию.

Самозванство, которое было навязано французам.

*

Этот человек, уже ставший миллионером в возрасте до тридцати лет благодаря продаже сети, предложенной ему Республикой, частному банку, будет представлен нам в качестве образца либеральной демократии, нашей республиканской меритократии, очищенной системы.

Трудно не ответить на следующий вопрос, настолько ошеломляющими являются факты[10]: был ли этот человек, весь путь которого выдыхает служение себе на самом деле только кукла на службе у тех, чью программу он применил, к письму, используя свои изобретенные названия и качества - даже утверждается, за отсутствие талантов, на которых основывать себя, признанный философ и знаменитый пианист? - чтобы покрыть эту хорошо смазанную операцию?

В любом случае, мы начинаем понимать причины этого удивительного разрыва между нашими чувствами - мы, накопившие одни и те же заголовки и, говоря примерно так же пути, и кто поэтому не мог быть впечатлен представленной поверхностью, вынуждены пытаться воспринимать ее фон и никогда его не находить, невосприимчивы ко всем символическим механизмам запугивания, созданным олигархами, о которых мы говорим, поскольку нам известны методы их изготовления, мы на самом деле существуем и легитимны только в том смысле, что мы были созданы для контроля за недостойным использованием общих с г-ном титулов и функций. Макрон, избегай того, чтобы существа предавали всё это, чтобы служить себе или своим интересам. Мы начинаем понимать это ощущение, что еще в 2013 году мы были обняты человеком, чье внешнее несущественность

10 Совершенный" философ, поскольку он никогда ничего не публиковал, и поэтому не может быть оценен как таковой.

была настолько незначительной, что она сомневалась в своей способности воплотить в себе, перед лицом пустой посредственности своих выступлений, фактологичность поддерживавших ее структур - давайте помнить этих "членов", которые были только подписчиками на электронные сообщения -, который месяцами был доволен, занимался серфингом на печально известной фабрике Niel, Arnault, Lagardère и Marchand, чтобы не представлять программу, и у которого была запись, что он все же попытается представить нас как революционера, заставляя нас восхищаться идеей о том, что гениальность позволила создать новые опасные и загрязняющие автобусные линии. Удивление от волнения, которое он вызвал, и от неустойчивой популярности, которая внезапно окружала его. Мы начинаем понимать, что да, что что-то сделано, и что да, все векторы, которые в здоровом обществе служат для контроля интриг и обеспечения работы наших механизмов контроля, были проникнуты и подорваны, пока они не лопнули.

*

И мы начинаем возмущаться. Потому что все это открывается только спустя год после президентских выборов, и даже тогда это лишь частично известно, и, возможно, мы бы никогда этому не научились, и даже тогда мы вынуждены сами все это рассказывать, и почему мы вынуждены это делать? Поскольку один из журналистов, который на данный момент провел самое тщательное расследование в отношении Макрона, *Мими,* которая, напомним, содержит лишь несколько страниц последнего, был принят на работу упомянутым Бернаром Арно и мог раскрыть лишь часть представленной нами информации, поскольку он не мог сделать этого в отношении другой заинтересованной стороны, некой Лагарьер, Арно. С тех пор лишь немногие другие, которые тем временем поставили свою независимость выше всякого вопроса о

карьере, были подавлены. И что влиятельные представители этой профессии, такие как мадам Бакке, которым нечего было бояться, предпочитали месяцами и годами молчать перед лицом реализации всех этих компромиссов, что делает себя фактическими сообщниками, слишком заняты формулированием этого нового персонажа, который сделал их не тот актер с глубоким взглядом, пока косвенно поддерживает его.

Может быть, пришло время всем трястись.

Ибо если мираж исчезает, то он приходит как это детское общество, эта небольшая группа, которая в более низких масштабах делает себя короткие масштабы, чтобы поработить себя в его мощные и таким образом обеспечить его положение, оказывая ряд услуг и устройств, масштабы которых не может быть подробно здесь так велика, это он, и последствия которых выражаются в законодательных и нормативных мерах, затрагивающих всю страну, настолько тесных связях, что они провоцируют браки и разводы, преследуя единственную цель служить и служить себе, это общество уже накопило такую власть, что даже разоблачение их демократическим путем может привести к их свержению в невозможном государстве. Даже если бы мистер Макрон ушел, у нас все равно был бы такой силовой аппарат, что он мог бы призывать только к революции.

*

Нас трясет, потому что сам факт оглашения этой информации, демонстрации сговора, приведшего к созданию одной из самых хищных держав в истории Пятой Республики, представляется невозможным. Как мы можем дать людям понять, что миллиарды ежегодно у них воруются в результате различных компромиссов, которые привели их к совершенному обману? "Дружбы", которые используют Республику для служения своему народу, его

продвижения и сокращения масштабов, а не для его защиты? Как такое накопление фактов - для многих людей, но которые не завершены и не раскрыты в полном объеме, - может быть политически отвергнуто?

Где это сделать, как сделать так, чтобы об этом стало известно? Какая медийная организация могла бы приветствовать его, в том числе для того, чтобы он вступил в противоречие с ним? [11]*Освобождение, L'Express* или *BFM TV*? Иными словами, средства массовой информации, принадлежащие Патрику Драхи, чья империя была консолидирована с помощью Эммануила Макрона, Драхи поблагодарил его, предоставив в его распоряжение правую руку и *фактического* директора его СМИ Бернара Мурада, во время президентской кампании, после которой Бернар Мурад, по приказу г-на Драхи, "предложил" унив о г-ну Макроне, в которой он выступал против всех редакций этих СМИ? *Наблюдать*, *всему миру*, *Телераме*, *Медиапарту*, десяти другим СМИ, в которые вложил Ксавье Нил? В *Ле-Фигаро*, в доме Оливье Дассо, где можно надеяться, что журналист найдет в себе мужество напасть на сговор между СМИ и миллиардерами, после того как на этом будет построена империя его отца?

Давайте посмеемся над желтым и подумаем скорее об общественных теле- или радиостанциях, чьи директора назначаются политическими властями - опосредованно, конечно, в этих случаях мы хотели бы оставаться скромными, даже если они в конечном итоге назначают, как в Радио-Франции, коллегу-промоутера - и чей один из столпов информации мы только что показали компрометирует целостность группы на службе у своего друга президента и отомстить ему самому,

11 Впоследствии был назначен и, таким образом, покровителем *Bank of America* France, которому правительство чудесным образом передало бы управление приватизацией парижских аэропортов. До своего назначения на должность Эммануэля Макрона, директора пресс-службы группы Патрика Драхи и, следовательно, *де-факто* директора "Экспресса и освобождения", он был назначен Патриком Драхи по предложению Франсуа Олланда и представлен ему Эммануилом Макроном через Бернара Мурада, с тем чтобы добиться "благосклонности" государства при его приобретении ПФР.

Луискуснейшим из них - где никогда нет. *Парижанин* или Les *Echos*, Бернард Арно, *ярмарка тщеславия,* которая публикует статьи заказов и немедленно утонет, если он прекратит их финансирование?

На *Канале +* или на *C8*, у Винсента Боллоре, которому Макрон доверил свое общение, когда был министром экономики *через* Гавань, до того как капиталистический столп группы Hanouna стал лучшим ретранслятором, регулярно приглашая его общаться по телефону во время своих шоу? В TF1 или TMC, в Martin Bouygues - снова скомпрометированы гвоздями и зависят от госзаказа? В *JDDD*? Где Гаттеньо показал всю свою способность служить тем, кто доволен своим владельцем, некий... Арно Лагарьер!

Мы дрожим, потому что вдруг начинаем чувствовать себя странно одиноко и странно окружены, при условии, что мы не служим интересам, или любое реле, которое однажды может быть мобилизовано одним из них. То, что казалось плюралистическим ландшафтом, полным мужества и независимости журналистов или, по крайней мере, достаточным, чтобы конкурировать друг с другом и тем самым избегать слишком многих системных компромиссов, представляется лишь гнилым пространством, где царит страх и неопределенность, асимметрия, подавляющим любой словарь информации, который не будет служить одним из существующих инструментов власти, сокращая наше общественное пространство, позволяя ему передавать только те, которые запрещают глобальное понимание рассматриваемой системы.

Потому что надо признать: во всех этих местах мы можем отпугнуть правду. Так, например, у соперника г-на Арно, г-на Пино, были хорошие листья книги, опубликованные в *Ле-Пойнт,* протеже первого, через некоторое время после того, как Рафаэль Баке опубликовала бесплатный портрет последнего, не говоря уже о спокойствии. Но ни в одном из

этих мест мы не можем по-настоящему разоблачить компромиссы, на которые все, так или иначе, продолжают идти. Так что даже в *Монде,* где Ариан Кемин может позволить себе такую роскошь, как раскрытие дела Беналлы, мы в конечном итоге назначаем журналиста без опыта работы в этой области, Вирджинию Малингр для освещения Елисеи, того самого, которого Луис Дрейфус назначил руководителем экономического отдела по поручению Ксавьера Ниля, чтобы убедиться, что он будет исчерпывающим и никогда ничего не расскажет.

Нам скажут, что мы преувеличиваем. Есть много радиостанций. Поскольку у государственной службы есть проблемы, о которых мы знаем, например, в *Европе 1*? Лагардер, опять! *RMC*? Ален Вайль, то есть вот уже несколько лет Патрик Драхи, Ален Вайль, который также, как мы покажем *через* свою сестру, близок с Макронией. *RTL, которая* принадлежит *M6*, одному из основных партнеров Mediawan, инвестиционному аудиовизуальному фонду Хавьера Ниля? Хорошо. Предположим, что это можно было бы сделать после контакта, который еще предстоит установить, при условии, что никто из лидеров не будет бояться предстать перед глазами своих сверстников, которых таким образом осудили. И тогда возникает большой вопрос: кто будет говорить об этом, и, наконец, начнется большая дискуссия, которую мы все еще ждем по этим вопросам?

Пройдя через все французское медиапространство в мыслях, вытащив волосы из головы, мы думаем об издателях. Поскольку хроника немедленно исчезнет, поглощенная ежедневно поступающей информацией, книга, по крайней мере, будет содержать обновленную информацию о ситуации. *Фаярд*? Но *Файар* был куплен Ашетом, то есть Арно Лагардером, во главе с тем же Рамзи Хируном, который действовал для защиты Мими Маршан в

Парижском матче, и чей номер 2 - жена "великого друга" президента, знаменитого Бернара Мурада! *Стифль*? При появлении разногласий, одного владельца, одной и той же иерархии, и мы теперь понимаем, почему в книге приписывается Марш и что делал господин Хирун, говорится вскользь, но мы должны измерять, что такое недостаток честности и неподкупности. *Галлимард*? Они только что подвергли цензуре Энни Лебран, исторического автора дома, за критику LVMH в ее последней книге о моде. Любая связь с недавним приобретением Бернаром Арно доли в компании не будет иметь к этому никакого отношения. На мгновение, чтобы избежать катарсического смеха или атония, мы пытаемся сказать себе, что... но не всегда, как большинство наших СМИ, в течение долгого времени дом был независимым, и никогда раньше такой концентрации не было видно! Потому что давайте продолжим! *Фламмарион*? Куплено *Галлимардом* несколько лет назад! Фильм Франсуазы Найссен "Сюрприз"? Давайте смеяться, всегда желтые, со смехом, который всегда менее смехотворен. Но независимых издателей все еще много. Порог", "Открытие", "Фабрика", может быть. Конечно, конечно. Но с какими дистрибьюторами и какими средствами распространения? Те же, что под контролем первого...? И опять-таки, какая способность к самовыражению?

Давайте вернемся к прессе. Тогда *Ле Поинт.* Но *Le Point* принадлежит Артемиде, холдинговой компании Франсуа Анри-Пино*!* И тогда бы нам сказали? Разве он не враг Бернарда Арно? Разве мы не могли бы что-то выиграть от участия в этих играх...? Давайте посмеемся, и давайте оставим несколько строк, чтобы объяснить, почему... Одиночество снова растет.

И снова Кто все еще будет принимать на себя юридический риск, когда правовой аппарат, касающийся диффамации, будет создан таким образом, что непропорциональность защитных мер по отношению к власти будет приниматься

лишь незначительно? Разве мы не видели, что эта книга, в которой, тем не менее, так много сохранилось, *Мими, не* выставлялась здесь и там?

*

Давайте пока перестанем думать обо всем этом, и продолжим жить дальше. Поскольку с тех пор стало известно, что эти случаи не прекратились и что Александр Бенала был неофициальным пунктом въезда в Елисейский монастырь Мишель Маршалла. -дыхание задерживается. Беналла, тот же Александр Беналла, который, введенный в Макронию дефронированным аппаратом ЛР, некий Себастьян Лекорну, помимо того, что в свободное время избивал граждан, пытался создать в Елисее преторианскую гвардию, т.е. набирать людей, освобожденных от любой полицейской и военной иерархии - т.е. для "защиты" Эммануила Макрона и эмансипировки от тех немногих попрежнему существующих контрдержав, - что санкционировано наличием гражданского резерва, численность которого была бы перенаправлена в Елисейскую область. Нам скажут, остановитесь на этом! Ты переходишь от петуха к ослу. Подожди и посмотри, что произойдет. Опираясь на резерв жандармерии, Александр Беналла отдал приказ о возвращении гражданских лиц в Елисейскую службу безопасности, которая должна была обеспечить защиту жандармов и сотрудников полиции, мобилизованных в этом доме, откуда исходят приказы, определяющие и прерывающие карьеру всех гражданских служащих страны. Это пугает: за несколько недель обучения можно было бы интегрироваться в сердце самого отвратительного существа без какого-либо иерархического контроля, кроме того, что решил политик, поместить его на службу одному человеку и предоставить ему *фактическую* власть над всеми республиканскими силами порядка в этой стране. Повторюсь: до того, как г-н Беналла передал пояс г-жи Маршан Елисей, отвечавшей, например, за передачу г-ну

Эмелиену видеоматериалов от 1 мая, украденных из префектуры Парижа, чтобы он, в свою очередь, мог передать их в социальные сети, он решил ударить и арестовать граждан на улице для создания обстановки страха и насилия в стране, - не было сказано, что это может быть настолько тревожным, - Бенла. Макрон стремился предоставить себе возможность принять в свои собственные полицейские силы лиц, которых он лично избрал, и поставить их в такое положение, при котором они могли бы подчинить себе все службы безопасности страны. Зачем ему это делать? Только те, кто смеялся над нашими странными параллелями, о которых говорилось выше, не поймут, почему одна ведет к другой, вне всякой пропорции.

И здесь мы затрагиваем другой вектор президентства Эммануила Макрона, и мы связываем все это. Потому что это все очень хорошо, чтобы построить дурную славу, чтобы быть движимым альянсом интересов. Нам еще предстоит укрепить его легитимность. Навязывать себя этому государству, которое было разграблено без использования, находить стимулы и связи, которые позволят нам действовать с властью. Чудовище нелегко приручить, и если Макрон и был выбран, то только потому, что мы увидели в нем профиль, который может навязываться. Но этого было недостаточно. В то же время, когда она была представлена народу, ее лицо должно было быть отполировано, окружено и обеспечено, чтобы после прихода к власти она была достаточно вооружена.

Тот, кто позволил ему не только захватить власть, но и консолидировать ее, не только взять под свой контроль нацию, но и контролировать ее государство, это существо, которое было в восторге от кроватки и, возможно, бессознательно, кому он служил в тот момент, был Жан-Пьер Жуе. И кто нас туда приведет? Некий

Людовик Чакер, невидимый помощник Александра Беналлы, который организовал вербовку Александра Беналлы, первого генерального секретаря *En Marche,* с тех пор находился в центре антитеррористической системы Елисея, и чья миссия заключалась в руководстве тем же проектом, что и его коллега из вооруженных сил.

Однако Людовик Чакер, гражданин, оказавшийся в центре внимания государственной тайны, имеет право знать все подробности, и поэтому должен знать и сообщать все, что можно сказать о каждом, кто может угрожать интересам Макрона - короче говоря, утечка мозгов у г-на [12]Беналлы - используя для этой цели некую "Мими Маршанд", это не только кто-то другой. Это пункт входа в военный аппарат Исмаила Эмелиена, ближайшего советника Эммануила Макрона, с которым он познакомился в SciencePo, и который в Элизе отвечал за передачу всей информации, которая может представлять для него интерес, а затем отдавал приказы о грязной работе, которая может ему понадобиться, публикуя ее в прессе в достаточно конфиденциальной форме, чтобы Специальный советник никогда не оказался вовлеченным в это дело, не подчиняясь, как это обычно бывает в таких случаях, какой-либо военной иерархии.

Таким образом, по причинам низкой политической активности, как мы себе представляем, г-н Макрон, который проектирует в Елисее структуру, чтобы снабжать различными недобросовестными сетями, поддерживающими его, информацией для дискредитации оппонентов или защиты себя. Эта схема была раскрыта, когда стало известно, что г-н Беналла передал г-ну Эмельену изображения с камер видеонаблюдения с демонстрации 1 мая 2018 года и что впоследствии г-н Эмельен обеспечил их трансляцию в социальных сетях через анонимные аккаунты. В других

12 Уникальный факт в Пятой Республике: никогда ранее ни один гражданский сотрудник не был включен в состав конкретного руководителя аппарата президента Республики.

случаях, мисс Торговец и официальные векторы были бы мобилизованы. На этот раз информация, полученная от полиции и невоенной иерархии, действительно, касалась г-на Беналы, а не г-на Чакера.

Г-н Чакер не является государственным служащим и даже государственным служащим и не фигурировал ни в одной организационной структуре до тех пор, пока дело Беналы не вывело его на публику. Это объясняется одной единственной причиной: защитить г-на Эмельена от любых последствий, создать дополнительный интерфейс, который позволил бы ему пройти таможенное оформление. Как и многие люди, которые, по прогнозам, далеки от своего окружения без особых навыков, г-н Чакер обладает особенностью высокой лояльности, которую он удваивает с непрекращающейся скоростью. Эти люди всегда полезны для власти. Прослужив в DGSE всего несколько лет, прежде чем быть свергнутым, он оказался там только по милости и, следовательно, для служения своему хозяину. Но причина, по которой мы говорим об этом, заключается в том, что то, как он туда попал, говорит больше, чем карты, которые он пытался сыграть. Потому что его продвижение к Эммануилу Макрону, а это нас интересует, незадолго до президентской кампании, а затем и в Елисее, выявляет глубокую путаницу между кандидатом и другой частью олигархии страны: той, которая обеспечивает передачу интересов власти в руки государственной машины. Он показывает не только степень влияния, оказываемого на Макронское президентство, эндогамию нашей элиты, но и бедность системы кооптации внутри этой власти, которая позволяет через кумовство и оказываемые услуги сохранять привилегии, защищающие некоторых, замедляющие действия государства и отнимающие у него средства.

Наконец, это показывает, в какой степени пресса вновь сознательно ослепила себя, прославляя того, кто был идеальным мостом для объединения этих интересов.

*

Недостаточно просто окружить себя влиятельными людьми, которые ищут доверенных лиц, что уже требует некоторых качеств, в том числе достаточно безупречного имиджа среди широкой общественности, требующей, в частности, не ставить под угрозу себя слишком заметно, чтобы стать Президентом Республики: необходимо также знать, как окружить себя армией верных, верных достаточно, чтобы хранить молчание, но и интегрироваться в систему, зная о работе и способных привести в движение проекты этих влиятельных людей; наделенных коротко легитимностью достаточно внешне, чтобы гарантировать верность государственного аппарата и, таким образом, в общей слепоте, чтобы поставить его на службу интересам тех, кто выбрал вас. Достаточно циничный и заинтересованный, чтобы накормить машину власти без предательства или осуждения, что объясняет умножение выражений любви, которые г-н Макрон дал после своего ухода к г-ну Беналле, достаточно хорошо оплачиваемый и защищенный, чтобы ни на минуту не подвергать сомнению основы политики применяется, и Spoliations таким образом осуществляется; короче говоря, достаточно, чтобы получить, чтобы продать вам свои активы и качества.

Однако г-н Макрон, который был необычайно молод и не взял под свой контроль ни одного пути, который позволил бы ему построить и добиться такой лояльности, - это также объясняет его привлекательность для баронов, включая г-на Макрона. Коломб был самым важным, и неустойчивость системы, которая могла только рухнуть, должна была искусственно создать эту питательную среду, что

привело его к некоторым ошибкам, таким как вербовка г-на Беналлы самим г-ном Чакером, завербованным г-ном Эмелианом. Подталкиваемый, он вынужден был обратиться к другой части олигархии, которая также должна была защищать ее интересы, не имея ни средств, ни реле олигархов, о которых мы упоминали, но пытаясь установить связь с ними, и извлек выгоду из надписи в рамках техноструктуры, которая в идеале служила бы г-ну Макрону.

Таким образом, данное дело относится как к добыче, так и к переработке и сбыту г-на Макрона. Людовик Шакер был невидимым контактным лицом для устройства, увенчанного неким Жан-Пьером Жуе - чей контроль над техноструктурой был вторым выменем макронизма - и реализован неким Измаэлем Эмельеном, которому в сотрудничестве с г-ном Сежурне часто приходилось запускать мобилизацию бывших штраусханских сетей[13]. Замеченный и завербованный Ричардом Декоингом в SciencePo, государственном учреждении, в рамках системы власти, частично описанной Рафаэль Баке в ее книге *Richie*, также изданной Grasset, он был приведен в движение ответственным за Азию, и там он встретит некую Эдит Шабр, которая представит его некой Эдуард Филипп и некую Бриджит Тейтингер Жуи, важную для Франции, семьи одного из промышленников, была нанята в SciencesPo для участия в общественной вечеринке в Маленьком Париже для сбора средств в бюджет SciencePo, а ее муж Жан-Пьер Жуе, влиятельный директор казначейства, ставший очень влиятельным директором Инспекции финансов, а затем всемогущий генеральный секретарь Елисейства, мобилизовал свои сети для

13 Если г-н Шакер является *контактным лицом снизу*, то г-н Колер, Генеральный секретарь Елисейской области, будет *контактным лицом* сверху. Избранный Макроном с согласия Жан-Пьера Жуе на должность руководителя аппарата по прибытии в Берси, человек, который был заместителем второго заместителя в Министерстве финансов до назначения на должность руководителя аппарата Пьера Московичей - где он будет руководить реализацией решения г-на Макрона - был назначен Генеральным секретарем Елисея в 2017 году, где он станет проклятой душой г-на Макрона.

поддержки Эммануила Макрона, иногда на грани законности.

Г-н Жуе встретился с г-ном Макроном после его отъезда из ЭНА, который увидел его в том же первоначальном "теле", что и г-н Жуе - органе, которым тот будет руководить и в следующем году. Заинтригованный молодым человеком, которого уже поддерживали более могущественные существа, чем он, и продемонстрировавший бесстыдные амбиции, г-н Жуе решил предложить ему временное место во всемогущей Инспекции финансов, а сам, который до этого времени считал себя социалистом и лучшим другом Франсуа Олланда, был назначен государственным секретарем по делам Европы при Николя Саркози. Можно было бы и так сказать, но если бы тогдашнему премьер-министру Франсуа Фийону предложили вступить в должность, то через того же человека - Жан-Пьера Жюэ - он вернулся бы в Елисейскую тюрьму под руководством Франсуа Олланда.[14] Вот как обстоят дела в маленьком Париже, без учета "партийных различий", которые народ пытался бы реализовать, демократический принцип, который становится малозначительным, когда дело доходит до помощи друг другу и продвижения среди друзей. Мы начинаем понимать, где родился Макрон "в одно и то же время". Трюк, который использовался, чтобы собрать все население, был лишь предлогом для слияния до сих пор фрагментированных элит, конденсации интересов в службе галопирующей эндогемии, где самые наивные - или наиболее компромиссные и удобно установленные журналисты в системе, которую они не хотели менять, - были признаком прогресса и современности.

14 Это дело приобретает еще большее значение, если добавить имя Антуана Госсе-Грайнвиля, который стал юристом и приветствовал г-на Макрона, когда он покинул Министерство экономики. Далеко не желая создавать "стартап в образовании", он оказался готов начать прибыльную карьеру в качестве консультанта крупных транснациональных корпораций, чтобы помочь им выиграть спор с государством, получить полномочия на приватизацию и т.д. Именно он официально предложит назначить г-на Макрона Матиньону, который г-н Макрон будет обязан ему, предложив ему руководство Депозитарной кассы. Г-н Госсе Грэйнвилл откажется сделать это, с тем чтобы сохранить вознаграждение буквально в руках государства.

Мы должны измерить масштабы революции, предложенной г-ном Бруно. Макрон, в то время, когда система рушилась: гарантировать, от неполноценности, постоянство привилегий и должностей, где элиты до этого вели регулярные войны, должны были порабощать друг друга каждые пять-семь лет, быть высохшими и осужденными к каждой перемене, сократить до периодов нехватки, вынуждены были прибегать к опасным абортам, если они хотели вступить к новой власти после службы предыдущей. Теперь давайте разберемся, какую высокую оценку получил Эммануил Макрон от этого удивительного класса в процессе, начатом г-ном Саркози, который знал, что он должен был компенсировать, чтобы быть принятым теми элитами, которые его презирали.

Но мы торопимся, и в данный момент г-н Жуе рад представить г-на Макрона своей семье и жене - и тем самым одной из величайших финансово-республиканских династий столетия - и интеллигенции По, в том числе г-ну Макрону. Descoings является директором SciencesPo, где г-н Макрон предлагается, как и любой enarque, который выходит в больших телах, чтобы преподать неопределенный курс, что он будет выбирать общую культуру, чтобы войти, прежде чем предложить направление модуля, чтобы завершить свою зарплату и начать размещать пешки там. Поэтому г-н Жуе, придерживаясь либеральной идеологии, отвечающей интересам его приемной семьи, первым инициировал стратегию подавления демократических процессов, которая при Саркози приняла термин "открытость", а при Макроне - "в то же время", и что г-н Жуе Голландия не смогла сдержать себя, что, помимо представления его женой на ужинах в городе, быстро дало молодому интригенду возможность разместить и распространить свои соседи по ФУИ, нарушив обычай - только майор, которого Макрон обычно не имел права на эту привилегию,

- до назначения его в Берси после представления его на Элисейский фестиваль через Жака Аттали.

Жака Аттали, для которого Эммануэль Макрон был назначен докладчиком по одноименной миссии по милости того же г-на. Жуе, чтобы познакомиться с экономической и финансовой элитой вторичной страны, то есть с тем, кто находится во втором ряду и зависит или подчиняется с большой регулярностью судьбам, о которых мы упоминали, и чтобы выйти замуж из этой адресной книги, он был завербован в Ротшильде, чтобы заработать там состояние, мобилизовав контакты, которые ему только что поручила комиссия Атла, чтобы без опасений подготовить ту же политическую мотивацию, что и г-н Ротшильд. Жуе только что предвидел это, не зная об этом, и вскоре после этого выдаст разрешение - и все это время г-н Эрманд финансировал свою личную жизнь.

Г-н Жуе, чья жена, Бриджитт, помимо своих прекрасных талантов свахи и наследницы, работает в SciencesPo в нескольких шагах от некой Эдит Шабр, завербованной и назначенной директором юридического факультета Ричардом Дескуингом, и из которых, вероятно, случайно - там тоже - что она жена Эдуара Филиппа, заместителя и будущего наследника мэра города Ле Хавра, если она не знает. Филипп делал Ричарду Дескуингу и его жене Надежде Марик одолжение, которая наняла его жену или наоборот, или, если все это было просто совпадением, финансировала бы создание и функционирование филиала SciencesPo[15] в его городе и позже открыла бы стелу в память о Ричарде Декоинге, куда меня бы пригласили в присутствии Нади Марик и возможно - моя память потерпела крах, Людовика Чакера - Надя Марик, вдова человека, который был в городе любовником Гийома Пеппи, главы SNCF и второго олигархического и страхового реле (слева), который стал Ричардом Декоингом, очень

15 Простая застройка помещений обошлась в 11 миллионов евро, из них 6 миллионов евро - региону, 3,5 миллиона евро - городскому сообществу и 1,5 миллиона евро - мэрии.

близким к Жану-Пьеру Жуе, *благодаря* любви всей его жизни, и в то же время инонизатором в великом мире Лорана Бигорня, выдвинул президента Монтенского института, считающегося преемником Ричарда Декоинга - Лорана Бигорна, жена которого подала первый устав En Marche в префектуру, *En Marche*, домицилированный с ними, включая Людовика Чакера, как мы видели, станет первым генеральным секретарем Лорана Бигорн, который присоединится к CAC40 в Макронии и поставит на первое место г-на Шакера. Macron l'Institut Montaigne, теоретически нейтральный институт, который наводняет общественное пространство неолиберальным анализом, который занимается бизнесом олигархов, финансируя его, а также вице-президент ассоциации *Teach For France*, созданной сестрой Алена Вейля и восстановленной Надей Марик, в совете директоров которой был Морис Леви, генеральный директор Publicis, Эммануэль Варгон, то директор по лоббированию Danone и Патрисия Барбизе, генеральный директор холдинга Artemis - компании Франсуа-Анри Пино, мы начинаем понимать, почему *Le Point* так неохотно публиковала бы нас, даже если бы мы на данном этапе воздержались от подробностей о том, насколько это было, без полного понимания этого семьей Pinault, реле власти в этих водах, которое бы объяснило ее выселение; Лоран Бигорн, человек правого крыла, во главе с Ричардом Дескуингом в Гете, бывший будущий преемник Ричарда Дескуаза до его смерти, вынудил Фредерика Миона, близкого к Ричарду Дескуазу и крестного отца Эдуарда Филиппа и детей Эдит Шабр, скрыть пыль, привнесенную в качестве *учителя* Мориса Левю, и его сына для президента *Франции, в* качестве советника министра Эдуарда Фрда Фила; Патрисия Барбизе, самая влиятельная женщина Франции и близкая подруга Бриджит Тейтингер-Жуанье, и, следовательно, Эммануэль Варгон, с тех пор назначена государственным секретарем Эдуарда Филиппа после ее влиятельной работы в Даноне, как она прошла в Арева, после

представления Надей Марик Эдит Шабр, а Эдуарду Филипп - Эдит Шабр.

Таким образом, Эдуард Филипп, неизвестный батальону, не имеющий никаких фактов славы, которые можно было бы приписать себе с момента его успеха в конкурсе ENA, близко к Жуйету, жена которого была завербована для оказания услуг своему мужу или для оказания услуг вербовщикам, подаренных ему Жан-Пьером Жуе *через* их соответствующих жен, стал премьер-министром в результате, когда он также был неизвестен генералу до этого, но чьи таланты в течение многих месяцев будут высоко оценены последователями, а не заговором, чтобы оправдать *апостериори* то, что никто не понимал - журналисты не могут вынести своего невежества и предпочитают, без сомнения, прославлять своих подданных, чтобы их не обвиняли, в то время как Жан-Пьер Жуе был назначен одним из самых престижных посольств Франции в Лондоне, чтобы поблагодарить его и уволить его. И в довершение всего, чтобы соединить всех этих прекрасных людей, SciencePo, таким образом, использовал для финансирования и реализации системы кумовства, которая не завидует финансовой олигархии, которая поставила бы себя на службу господину. Макрон, чтобы позволить ему служить последнему, но и его рост, *учить для Франции,* поэтому, детский сад нанимает Кэтрин Гренье-Вайль, сестра Алена Вайля, босс BFM TV и RMC, affidé à Patrick Drahi et *devenu* proche -làcore d'un certain Emmanuel Macron; *Преподавать французскому языку,* который представит некоего Жана-Мишеля Бланкера, бывшего слугу Саркози, в Макронию, которого Эдуард Филипп назначит министром образования после того, как Дескуаны подумывали назначить его главой администрации, когда ему было предложено стать министром.

Вы когда-нибудь слышали о таких именах раньше, но они являются столпами олигархических сдвигов в нашей

стране? Вы были удивлены их последующими назначениями в правительство и другие структуры? Это начинает иметь смысл.
И мы задаем вопрос, который раздражает, который должен раздражать любого из читателей этих "основных СМИ", утверждающих, что раскрывают правду: поэтому Эдуард Филипп действительно был познакомлен с г-ном Эдуардом Филиппом. Макрон между ними, как нам так повезло рассказать и пересказать, и он был выдвинут премьер-министром из-за его заслуг и политического веса, который мы придумали за одну ночь, или скорее из-за его межличностных навыков и способности служить и позволять ему служить, его участия в этой бедной и гнилой эндогамии в течение десятилетий, что позволяет ему, благодаря простому прогрессу, допускаемому республиканской системой, сделать так, чтобы вы набрали вес по инерции - в течение нескольких десятилетий, когда он перешел в Арева, когда уже был членом Госсовета, чтобы поставить на службу компании свои сети выборных должностных лиц, когда эта компания была погружена в скандал коррупции и ретрокомиссии Урамина, которые абсолютно должны были быть подавлены, чтобы спасти рядового Лауверджона, скандал, который привел почти 3000 рабочих мест и 1,8 миллиарда евро исчез из государственного бюджета в неизвестных местах, через десять лет, который так и не привел ни к чему другому? Давайте смеяться.

В тех местах, где люди проплывают слева направо через центр, не обращая внимания на голоса избирателей и довольствуясь лишь видимостью поддержки разногласий, которые пересекают общество, чтобы лучше управлять им, мы не смеемся, когда говорим о демократии. И все же, сколько мы могли бы. Для этого мы должны осознавать, что, помимо мародерства для себя, эти люди занимаются мародерством для третьих лиц, что, вероятно, не так. Эти бездумные существа знали бы, что они были только

правильными солдатами, представлявшими интерес, и тогда бы отреагировали эти верные войска силы, которую другие подтолкнули и профинансировали. Вся эта система основана на убеждении, что защищаемый нами экономический порядок, который, как мы знаем, несправедлив и разрушителен для общества, был бы достаточно справедливым, чтобы позволить эти компромиссы и чувствовать себя комфортно при мародерстве. Макрон вмешался в эти места как идеальный защитник этой модели, воплощение претензии на нейтралитет, которая объясняет механизм, который был запущен для поощрения поддержки государства и тысячи невидимых реле, которые будут поддерживать его, не сказав ни слова, сделал это с хорошей грацией: в любом случае, это был вопрос использования его, чтобы позиционировать себя и продлить эти игры, которые грозили крахом.

*

В тех областях, где мы все принадлежим к одним и тем же *органам*, о чем так много говорится в самом выражении, заработная плата, предоставляемая государством напрямую или путем разграбления государства, когда оно больше не может этого делать, т.е. *с помощью* тапочек, является удобной и постоянной, что позволяет обеспечить защиту в случае неудачи в выборах, в количестве шести-семи человек, а в случае, если супругу приходится ждать и находиться в состоянии застоя, он совершает поездки в обе стороны от государственных и частных гарантий на несколько небольших компромиссов, обеспечивая в любое время комфорт, лишенный смысла и обязательств, защиту своего привилегированного положения. Неважно, что эта система привела к тому, что государственная власть была изношена до такой степени, что ее опустошили. Балладурийский период, который был самым жестоким в этом отношении и который только Макрон решил спеть,

исчерпал бы все ресурсы, и все меньше высокопоставленных чиновников смогли бы обосноваться там. Жан-Пьер Жуе, мастер всех этих компромиссов, держал здание, пока не предложил его мистеру Макрону.

Это доверие не является политическим или идеологическим. Это даже не макиавеллический: привыкший к секретности альковов, известно, что предательство одного подвергнет компромиссу другого, и рикошетом вызовет полное падение того, что эти существа, которые существуют только через эти компромиссы, не будут и не сделали бы иначе ничего со своей жизнью, не потерпят. Как мы можем думать в этих условиях о демократических принципах и даже о политике, когда государство выступает, прежде всего, как простой инструмент их воспроизведения, о наследии и позициях путем стабилизации нации и создания условий для ее эксплуатации, - этим объясняется ужасное впечатление, что все нас просто размывают, что нас всех отправляют назад? Там, где люди стоят и смотрят друг на друга, кооптируют и формируют друг друга в течение многих лет, чтобы обеспечить сохранение монополии на общее благо, о котором мы не можем думать сами, г-н Макрон выглядит идеальным. И, чтобы служить столько же, сколько служить себе, расширять эту систему, придавая авторитет аппарату, который он собирался разграбить, он оказался назначенным премьер-министром из-за этих гнилых эндогамных отношений.

*

Куда все это нас ведет? Людовику Чакеру, который после назначения в SciencesPo для руководства развитием азиатского кампуса в Гавре в том же году, когда г-н Филипп стал мэром города, был первым генеральным секретарем партии г-на Филиппа. Макрон в доме бывшего будущего преемника Ричарда Декоингса, некоего Лорана Бигорна, новый президент поручил ему создать свою

"преторианскую гвардию" после вербовки г-ном Декоингсом и строительства моста между его и г-ном Бигорном сетями, включая г-на Филиппа, и сетями г-на Эмельена. Людовик Чакер, таким образом, *альтер-эго* Александра Беналлы, прибыл на самый высокий уровень государства для защиты частной жизни всех этих людей и уничтожить тех, кто будет угрожать им, близость возвышается буржуазное превосходство как священная ценность, пока она не может служить власти так или иначе, угрожая, кто поставит ее под угрозу, кормя власть и в свою очередь кормя прессу для покрытия всех этих сетей и их уступки. Людовик Шакер, таким образом, к непонятной роли привел нас туда, к точке риторического слияния всего этого *через* Исмаила Эмелиена, очень осторожного "специального советника" Макрона, занимавшего должность в Гавасе, где он встречался со своей женой, все еще работая там, пока ему приписывали бывшего работодателя, нарушившего закон, контракт на сумму более 300 000 евро без тендера от имени Министерства экономики, *нашего* Министерства экономики, на запуск неофициальной кампании Macron в *Лас-Вегасе, как* многоразового мероприятия, единственной целью которого было освещение в прессе и информирование Президента. Эта операция была построена *экс-нигило* благодаря уловке, которой *французское* государственное агентство *"Деловая Франция"*, допустившее все эти эксцессы, намеренно нарушило закон о своем тогдашнем лидере, неком... Мюриэле Пенико.[16]

Исмаэль Эмельен, которому еще не было сказано, встречается с Эммануэлем Макроном во время поездки в Латинскую Америку, организованной Фондом Жана-Жореса - фондом, финансируемым без каких-либо оснований государственными органами, - чтобы сопровождать Лорана Фабиуса, которому г-н Макрон сначала предложил себя, прежде чем сомневаться в Фийоне

16 Мюриэль Пенико, которую запомнят за то, что она будет вознаграждена назначением, вопреки всем доказательствам, министром труда Эммануила Макрона.

и затем предлагать себя г-ну Холланду по рекомендации г-на Жуи. Фонд Жан-Жоре во главе с Жилем Финшельштейном, директором по исследованиям в Гавасе, принадлежавшим Винсенту Боллоре, который получил контракты, которые его бывший сотрудник Исмаил Эмельен предоставил бы ему от имени государства, как только он был назначен советником г-на Макрона в Элизее, где г-н Эмельен работал параллельно в Гавасе - в конце концов, исключая смешение жанров, которое не может существовать в другом случае.

*

Все это настолько смущает в такой системе, что вопрос о легитимности вербовки становится второстепенным, поскольку мы можем видеть, в какой степени это обусловлено наличием сетей преданности и противодействия преданности, которые лишают отдельных лиц всякой самостоятельности. Если мы проследим эти сети, то сможем проследить и тех редакторов и редакторов газет, которые следуют той же логике. Эдит Чабр поступила в малоизвестную частную юридическую школу до окончания SciencePo Lille, и теперь она является директором всемогущей юридической школы SciencePo через два года после того, как мэрия, на которую работает ее муж, решила предоставить SciencePo значительную помощь для строительства ее кампуса. Надя Марик была в административном суде, и теперь она является заместителем директора SciencePo после того, как была нанята ее будущим супругом, который проверил ее устно от ENA, прежде чем принять на себя *преподавание для Франции* с помощью парижского getha, чтобы сделать его с Лорана Бигорн местом встречи для всего того, что Макрония будет защищать завтра. Людовик Чакер имел скромное прошлое, и, как и Александр Беналла, его толкнули в порицания, отвечавшие за надзор и инструктирование спецслужб. Кэтрин Гренье-Вайль имела

туманную карьеру научного ассистента до перехода на должность *преподавателя во Франции,* а что касается Эммануэль Варгон, было бы абсурдно думать, что ее присутствие в правительстве связано с ее близкой дружбой с Надей Марик и Филиппинами, Лораном Бигорном или Бриджиттой Тайтингер, хотя ее назначение вызвало удивление, поскольку присутствие другого политического деятеля стало для неё сюрпризом. И мы придерживаемся горизонтальных сетей, потому что когда невестка Жан-Пьера Жуа назначается заместителем директора Куай Бранли в 25 лет, это не производит такого шума, как когда сын социалистического министра Ле Дриан, ставшего макронистом, которому еще предстоит однажды выставить напоказ свою кандидатуру, назначается на одну из самых важных должностей на Дворцовой площади в возрасте до 30 лет. Здесь зять и дяди, племянники, дедушки и бабушки передают эстафету на протяжении нескольких поколений: талант передается путем трансмутации. Вербовка, любовь и союзы осуществляются в соответствии с критериями состояния и власти, делая и уничтожая их под благосклонным взором финансирующих их великих везунчиков.

*

Все это, эти маленькие игры между людьми и горожанами, замаскированные под прессу, замаскированные под соучастие, заставят нас поверить в популярную басню, где демократические проблемы, вопросы программы и приверженности, и, наконец, выбор народа, наконец, в чем-то превалировал. В системе, которую фактически вылупился триумвират Арно-Ньель-Лагарре, ответственный за продвижение героических солдат, отобранных Эммануэлем Макроном, в том числе и г-на Макрона. Филипп был бы самым послушным и рекомендованным, в частности, благодаря введению Таиттингера и Жуйета, идеальному сочетанию государственной аристократии и буржуазии страны,

ищущей у молодых интриг сок, позволяющий их воспроизводство, Весь процесс обеспечения его невидимости, затем его подтверждения в форме *выборов,* при благосклонном внимании некой Мими Маршанд и вышеупомянутых приспешников, мы, тем не менее, прилагаем все усилия для того, чтобы выяснить, куда, как правило, проникает демократия. Теперь легче понять, почему после катастрофического вмешательства, в ходе которого господин Макрон объявил, что *попросит* боссов выплатить премию своим сотрудникам, г-н Нил, г-н Драги, г-н Леви и г-н Ричард - последний был спасен г-ном Макроном после того, как г-н Эмелиен дал дорогие советы - немедленно и несколько печально объявят о своей поддержке президента, предложив ему такой абсурдный бонус, который был специально разработан для него.

Мими Маршанд, чей опыт показывает, что после того, как она защитила и воспитала всех этих существ, поскольку они подвергались опасности - в результате публичного осуждения - с лета 2018 года для новых клиентов не существует никаких контрактов в этом бизнесе, Как напоминает нам книга, о которой мы говорили, но о подписях, которые можно угадать, и словах, которые можно угадать, чтобы избежать компромисса, - двух молодых имен, Габриэля Аттала и Бенджамина Гриво, историю которых мы сейчас собираемся рассказать, на этот раз во времени. В этих местах вы не теряете время.

Чтобы завершить картину, конечно, было бы необходимо, чтобы представиться в сети буржуазии Амьена, легкость и сила отца Эммануила Макрона, [17]Жана-Мишеля Макрона, профессора медицины в университетской больнице Амьена, но особенно семьи Трогно, чьи союзы, даже больше чем финансовая власть, были решающими в

17 Кто, финансируя частную жизнь Эммануила Макрона, позаботится о том, чтобы его жеребенок никогда лично не скомпрометировал себя с одним из своих покровителей и не создал видимости коррупции в глазах главы государства.

сопровождении начала, что власть, при поддержке местных баронов, и в частности баронов Коломба и Ле Драйана, Патриата и Ферранда, смогут компенсировать недостаток социальной поддержки, создав сеть солидарности и перераспределения нечестных пребендов, владеющих вторичными территориями, но не учрежденных этой властью, которые распадутся при первой трудностях. Затем следовало бы описать, как на основе всего этого - через Лорана Бигорн и клан Descoings, затем журнал *Esprit* и аналитический центр *Terra Nova,* газету *Le 1,* финансируемую миллионером Генри Германдом, чтобы, как публично признал ее директор Эрик Фотторино, поддержать г-на. Макрон - мобилизация интеллектуальных, политических и финансовых ресурсов вокруг будущего президента будет организована таким образом, чтобы "обосновать свою власть" и заставить вторичные элиты признать его кооптацию, в то время как конкуренты оказались между коррупционными делами и тупой братоубийственной борьбой. Каждый раз тысячи и один позорный компромисс был направлен на то, чтобы одурачить общественность через все менее независимых журналистов, переплетая эти интересы, чтобы через несколько месяцев запустить пустой снаряд, не раскрывая его, несмотря на очевидные компромиссы со стороны тех подпольщиков, которые должны были защитить нас от него. Необходимо рассказать историю симпозиума Terra Nova, организованного в Лионе Марком-Оливье Падисом, который стал директором авторитетного журнала *Esprit,* и который принял участие в такой встрече, чувствуя, что ему пришлось отменить в последний момент выступление Macron, для которого оно, тем не менее, было организовано. Наконец, следует показать, как все эти вторичные сети, ответственные за пропаганду этой новой власти в условиях непонимания со стороны общественности, использовали государственные ресурсы для ее коррупции, превращая кабинеты министров в машины для сбора средств на благо амбициозных целей,

Исмаэль Эмельен, используя государственные средства, не только заключил со своим бывшим работодателем Гавой некий... Боллоре контракты на сумму в несколько сотен тысяч евро, которые наложница могла бы потратить на г-на Боллоре. Макрон, а также мобилизовать шесть советников министров, ответственных за связь с г-ном Макроном, которые были с комфортом оплачены государственными органами для организации мероприятий с г-ном Сежурне, а затем пригласить этих же гостей на мероприятия по сбору средств, что позволило получить от 900 человек почти 7 млн. евро и, таким образом, обеспечить соблюдение законодательства, стимулируя г-на Макрона. Они должны быть описаны, эти Бруно Тертрейс, ответственный за спешную разработку программы по продаже операции широкой общественности, опрошенные после выборов *Le Monde* в качестве независимых экспертов по этим же вопросам, чтобы судить действия г-на Макрона....

И, наконец, мы должны показать, как все это привело кандидата на службу немногим, неспособного действовать автономно, не мыслить, а только распространять предлоги, и, наконец: продать себя тому, кто больше заплатит, подробно описав все компромиссы, которые, от распределения работы до судебных инструкций и предоставления полномочий на переговоры, позволили всей этой системе оставаться по себестоимости, а бескровные люди не подходили к этой информации, в конечном счете, выпали из виду, и разграбили себя.

И как же тогда они сами будут осуждать насилие, пытаться морально сокрушить тех, кого использовали до такой степени, что у них затаилось дыхание и опустошение?

Но это было бы воспроизведение проигранной демократией битвы. Журналистика долгое время

функционировала как баланс между тем, что левые отвергают, и тем, что живет за счет этого маятникового движения, которое поощряет лень и попустительство. Это создало у самого наивного из нас впечатление, что мы живем в условиях демократии, несмотря на отсутствие свободной прессы, вездесущность системы зависимостей, которой не приходится завидовать самым честным автократам, за исключением их способности регулярно чередовать политические отношения, что в итоге привело к катастрофическим последствиям для г-на Макрона.

Все было просто[18]: до тех пор в игре, которая вскоре превратится в бойню, каждый переход к цели государства позволял политикам формировать свои сети единомышленников и собирать ценную информацию, которая затем тщательно распространялась среди журналистов - предпочтительным средством передвижения была *Скованная утка*. В то время как каждый альянс распался из-за разочарованных амбиций принес в систему СМИ свою долю анекдотов, которые позволили журналистам своевременно освободиться от своих прав на дорогу и, наконец, "работать" на благо своей страны, Макрон некоторое время был потрясен, когда вышел из пустоты, которая, объединив сети попустительства, ранее ограниченные различными сторонами, парализовала бы работу наших солдат свободы, неожиданно вынужденных начать. Маленькие солдаты и великие имена в журналистике, редкие следователи, которые все еще остаются, подчиняются ли они правительству или нет, уже даже не смогли собрать крошки, которые им дали до тех пор, и восстановить часть функционирования, которая все еще утверждала,

18 Либо напрямую, используя различные полицейские и спецслужбы, либо косвенно, предоставляя услуги влиятельным олигархам, которые возмещали расходы, раскрывая тот или иной элемент о конкуренте.

что оставляет людям роль, но мы обнаружили ее, совершенно не существует.

Разрушенная и очерненная, презираемая товарищами, когда один из его редких наследников осмеливается утверждать о себе, независимая пресса, живущая за счет прямых отношений с читателем, т.е. его продаж и, следовательно, необходимости обязательств, эта ожесточенная конкуренцией и необходимостью выживания, слишком долго уступает место системе, в которой вассал и субсидии в свою очередь породили суету. Став нормой, производя устройства от Кристофа Барбье до Франц Оливье Жизберта, от *журнала* Le *Monde* до *Vanity Fair*, устройства, которые служат для соблюдения самых доминирующих ценностей без каких-либо сомнений, подавляющие и соответствующие современности, эта пресса исчерпала себя и соответствовала господствующим.

Если Эммануил Макрон "в то же время" не позволяет демократического дыхания, то потому, что он деактивировал активный принцип, завершая иллюзию республиканского функционирования, которое, от чередования к чередованию, позволило дать некоторое дыхание для населения, наконец, информированные об играх, которые происходят за их спиной, и способные взвешивать себя вниз.

*

Неудивительно, что все это будет иметь ужасные последствия, когда Макрон решил конденсировать эти сети с единственной целью - накормить тех, кто их создал. И не удивляйтесь, что единственной альтернативой все более авторитарной власти является возможность ее краха.

Теперь осталось лишь спроецировать себя, и, поскольку Макрония колеблется и входит в сумерки, прочитать и

разложить во времени один из грибов, возникающих под влиянием интересов могущественных, чтобы не дать ей шансов на процветание и воспроизведение системы, существовавшей до сих пор. Появление одного из этих приспешников олигархии - равного по надменности, покорности и амбициям своему старшему - некоего Габриэля Аттала, спутника в городе Стефан Сежурне, политического советника Эммануила Макрона, и уже очень многое внедренного во все эти сети, благодаря тому же функционированию, которое позволило воцарению его старших, должно быть разоблачено. Двадцатидевятилетний мужчина, которого все уже недооценивают, и чье присутствие на передовой в борьбе с требованиями восставших людей должно сигнализировать и беспокоить нас.

Существо, которому, если бы мы верили в формальное появление этой системы, мы были бы готовы уделять слишком много внимания и внимания тому, чего оно заслуживает, но которое, тем не менее, позволяет не только понять эти системы, которые мы только что раскрыли, но и увековечить их. В этой связи напомним один факт, касающийся того, кто стал с той же благодатью, что и г-н Макрон во время его избрания, самым молодым министром пятой Республики: хотя его отношения - хотя и официальные, но объявленные Высшему руководству общественной жизни и заключенные по контракту с PACS - с политическим советником Эммануилом Макроном были выявлены нами и что по этой же причине существует опасность выявления систем солидарности целого сектора власти г-на Макрона. Макрон, неудачник, вступивший в конфликт с Галой, удалил две статьи на эту тему. Затем мы были в октябре 2018 года во Франции, через месяц после публикации "*Мими".*

И существо, которое вмешалось, все еще достаточно мощное, чтобы информация исчезла, что существо имело имя.

И это имя было "Торговец".

То, что мы собираемся раскрыть, так это басню человека, который родился в самом сердце описанных выше сетей, должен был стать необходимым ретранслятором настолько, насколько он был выдолблен и очевиден, используя гнилые силы в тот самый момент, когда они показали себя умирающими. Оглядываясь назад во времени и проектируя себя перед конституцией власти, которая охватывает нас в настоящее время, эта экскурсия позволит нам понять, как эти судьбы формируются в колыбели, что они говорят о нашем обществе и как любой спор, связанный с навыком или талантом, невинность, которая с их раннего возраста могла бы оправдать звездный импульс, который впоследствии будет предоставлен им, нельзя использовать для объяснения его основ.

II

15 Октябрь 2018 года. Габриэль Аттал, 29 лет, назначается Президентом Республики, без предварительного уведомления на пороге, государственным секретарем министра образования, ответственным за работу с молодежью. На BFMTV, *Le Monde*[19] и, тем более, в *Paris Match*, мы тронуты ослепительной карьерой этого молодого депутата из региона Хауц-де-Сен с загорелым цветом кожи и внешним видом идеального зятя. Широкая общественность узнает лицо человека, который только что стал самым молодым министром Пятой Республики. Если его имя, которое циркулировало в горшке несколько месяцев, остается в значительной степени неизвестным в стране, в салонах и альковах Маленького Парижа, то это освящение, подготовленное давно, вызывает лишь шорох удовлетворения. Опять же, чистый продукт системы только что смягчился, удивляя всех, кто мог со временем выступить против нее.

19 Чей вопиющий и пустой портрет, написанный Александром Лемарием, много говорит о крахе политической журналистики в нашей стране. https://www.lemonde.fr/gouvernement-philippe/article/2018/10/16/gabriel-attal-secretaire-d-etat-aupres-de-blanquer_5369998_5129180.html

Это дело, проведенное с осторожностью, оставило некоторые следы для тех, кто проявил интерес. Летом 2018 года Бруно Жоди, любимый обозреватель мировой власти, раскрыл литературные и музыкальные вкусы знаменитого незнакомца не менее чем в трех последующих статьях в *Paris Match*, восхваляя его в этой небольшой элитной группе политиков, которой журнал и его владелец Арно Лагардер отдавали дань уважения, чтобы познакомить их со страной.[20]

Эта привилегия, непомерная для мальчика его возраста и происхождения, заставила скрипеть зубы в *марте в* правящей партии "*Республика"*, где некоторые стали с осторожностью наблюдать за тем, кого регулярно называют "вкусным". Поставляя короткие брюки и белую рубашку, розовое стекло рядом с босыми ногами, уверенно фиксируя камеру на берегах Сены, следует сказать, что Габриель Аттал кажется немного слишком сознательным в своей силе, слишком уверенным в ауре, которую никто до этого не мог угадать, пока многие все еще с трудом понимают весны ослепительного подъема, что СМИ упрямо приписывают харизме. Когда Аттал открывает свое сердце и любезно обсуждает свой вкус к Орелсану, Форту Боярду или его дому на самом шикарном острове Оль-о-моин - одном из тех "гетто для горы", где среди других личностей Даниэль Билалян и Даниэль Дарье встречаются с богатыми финансистами в поисках йода и себя - депутаты задают себе вопросы и начинают беспокоиться. Габриэль Аттал в восторге от этого *знаменательного* знакомства, которое предвещает светлое будущее в середине лета.

Несколькими месяцами ранее молодой интригующий впервые заметно появился утром в *France Inter*. Эта редкая

20 https://www.parismatch.com/Actu/Politique/Gabriel-Attal-J-ai-monte-le-fan-club-d-Orelsan-a-l-Assemblee-1567267 ; https://www.parismatch.com/Actu/Politique/Gabriel-Attal-Le-jour-ou-je-rencontre-Ingrid-Betancourt-1569221 и https://www.parismatch.com/Actu/Politique/La-jeune-garde-macroniste-se-ressource-en-Bretagne-et-croise-Jospin-1568893

привилегия, которая позволяет обращаться ко всей стране, доступна только самым опытным политикам. Будучи членом Социалистической партии, он, тем не менее, был активистом левого крыла "*Републики Эн Марш",* который с помощью морга и насилия "своего поколения, оккупировавшего университеты для борьбы с паркурсами и жестоко напавшего на забастовку железнодорожников, активно пропагандировал идею о том, что Франция, будучи крайне правой, не в состоянии провести реформы, "в целом", чтобы "мобилизовать всю свою культуру". Удивляя своих собеседников, новый пресс-секретарь *Републики в Марше* в возрасте 28 лет вступил на престол перед широкой общественностью без каких-либо сомнений, продемонстрировав, что его там не было. *Ле Монд*, возможно, свернул его после того, как перо Лорана Тело закрутилось, и слушатели показали свою ярость, Габриэль Аттал наложил слой обратно на несколько недель позже. Захватив языковые элементы большинства, он с дипломатией выступил в защиту реформы Паркурсупы в программе *On n'est pas couchés*,[21] заявив о своей авторстве под благосклонным взглядом Лорана Рукье и задушенном его гостями. Его первое выступление в Национальном Собрании, нерешительное и в сочетании с довольной улыбкой, что он никогда не прекращал попытки репрессий, вернулось в память о тех, кто напомнил ему, что ему никогда не приходилось работать, пока он не вступил в политику. Аттал, не демонтировав себя, дисквалифицировал своих оппонентов, поднялся выше, показав себя способным в возрасте, когда можно было ожидать симпатии и скромности от этой недобросовестности, что Новый мир обещал свергнуть. Несмотря на бурную реакцию, новый оружейник президентской партии, как будто развязанный от всего сверхъестественного, увенчанный этой новой телевизионной знаменитостью, в последующие месяцы без колебаний будет делать ставки выше, пока он не станет вестником большинства во время дела Беналлы, а затем станет оружейником правительства, когда желтые жилеты вызовут у Эммануила Макрона дрожь. Но откуда взялась

21 21 апреля 2018 г., https://www.youtube.com/watch?v=j9gvmwmwVPzd0

такая сантехника и сидячие места, что казалось бы, ничего не питает дно?

*

Рассказать эту историю этого восхождения без разницы - как мы увидим, господин Аттал никогда не отличился, кроме как способностью защищать существующий порядок - значит рассказать историю одной из этих кооптированных постановок, которые выкопали нашу страну. Речь идет о том, чтобы понять, как мы стали ненавидеть систему, которая должна была представлять нас и которая в конечном итоге защищала только наши собственные интересы. Это существо незначительно, как и большинство руководителей в Макронии. Однако это незначительное значение имеет смысл, когда речь идет о колонизации государства и его институтов. Через восхождение этого индивидуума, он обнажает себя и обнаруживает, как система делает своих солдат.

*

Преступления всегда имеют свое место, и тот, где родился наш субъект, не маловажен. Эльзасьенскую школу, расположенную в шестом округе Парижа, возглавляет добрый человек правого толка, Пьер де Панафье. На левом берегу Франклина, где преподавала Бриджит Макрон, Сент-Доминик и двуязычная школа, *эльзасский язык является* местом воспроизводства и продвижения наследников культурной *интеллигенции* Парижа, к которым в процессе продвижения по службе добавляются некоторые другие, происходящие из политического, экономического и дипломатического пространства нашей страны. По контракту с государством школа полностью контролирует процесс отбора студентов и преподавателей и не подпадает под действие каких-либо географических или экономических квот. Таким образом, мы сможем размножаться и общаться, не опасаясь заражения.

В отличие от многих других учреждений, предполагается, что цель заключается в "эмансипации" детей. В Париже важна конкуренция, но не жесткая, между этими

учреждениями, ответственными за захват и продвижение наследия самых красивых семей страны, и каждое из них стремится найти свою нишу. В то время как провинциальные города чаще всего оборудованы одним или двумя справочными учреждениями - La Providence в Амьене, Fermat в Тулузе и т.д., - борьба более интенсивна в столице, где число объектов наследия, подлежащих сохранению, растет.

Так, в нескольких шагах от места, где г-н Аттал учился в школе, Станислас заявил о строгой дисциплине, подпитываемой устаревшей католической традицией, а Нотр-Дам-де-Сион - о самых непоправимых наследниках, заботящихся о том, чтобы привести их в безопасное место, *кахинку, другими* словами, в минимальную степень, не позорящую общество. Немного дальше, на западе Парижа, Сент-Доминик ведет ожесточенные бои с Сент-Луисом де Гонсагой и двуязычными, а также через границу со средней школой Шарля де Голля в Лондоне, чтобы восстановить великие рубежи финансовой буржуазии и исторической знати, под пристальным наблюдением Янсона-де-Сайлли, которому это удалось, вместе с несколькими другими государственными средними школами, включая Сент-Луис, который подчеркнул свои научные достижения, в противостоянии этим местам общественного воспроизводства путем привлечения самых способных мальчиков из 16-го округа. В других местах, например, в лицее Почетного легиона, по необходимости, картина оказывается неполной.

Эльзасцы, вставленные в эту экосистему, должны были бороться, чтобы занять привилегированное место, которое они занимают сегодня. Речь идет не только о том, чтобы выжить в конкуренции с другими частными школами, все из которых заботливо поддерживают свою репутацию, окружая своих учеников с чувством повествования и устаревшими традициями, чтобы очаровать родителей в поисках отличия. Но также, чтобы противостоять солнечной радиации Генриха IV и Луи-Ле-Грана, которые в нескольких кварталах от улицы Нотр-Дам-де-Шам, где

находится Эльзасский, нагло относятся к школам по всей стране, полагаясь на унизительные правила, которые являются столь же несправедливыми, как и обнадеживающие, привлекая лучших студентов и преподавателей в стране. Наконец, есть менее впечатляющие средние школы, но которые, от Монтень до Дуруй, проходя через Лавуазье и Фелон, знают, как предложить за несколько шагов обучение несравнимого с остальной частью страны качества, которое легко гарантирует воронкообразное функционирование национальной системы образования, привлекая преподавателей в конце их карьеры к ученикам, которые овладевают всеми кодексами, необходимыми для успеха в нашей школьной системе, начиная с их одноклассников, для достижения своей цели.

Выживание и самоотличение в таких условиях - это непростая задача. Успех эльзасского народа был обусловлен, прежде всего, его исключительным расположением, в месте слияния пятого, шестого и четырнадцатого округов. На вершинах Порт-Рояля, между улицами Ассас и Нотр-Дам де Шам, в нескольких минутах ходьбы от Школы Сорбонны и Ассас, расположенной на одной из самых дорогих и спокойных улиц Франции, школа предлагает своим студентам безопасную и легкодоступную среду на различных видах транспорта, в окружении магазинов, библиотек и различных учреждений, с видом в сад в Люксембург, где он хорошо отдыхает. Предоставляя возможность получать там все свое образование, начиная с третьего класса детского сада и заканчивая последним классом средней школы, школа, безусловно, уступает место в силу отсутствия *подготовительной подготовки, по* названию этих классов постбаккалавриата, *фактически* предназначенных для наиболее богатых в Республике, питающихся за счет удвоения числа университетов и гарантирующих наследникам буржуазии, если не доступу к образованию, то их полной интеграции в мировое сообщество, что, по крайней мере, обеспечивает им возможности для получения образования за счет чрезмерного финансирования.

Это недостаток, который несколько подрывает репутацию учреждения, которое также обладает всеми преимуществами, чтобы доминировать в этих мирах. В тех местах, где мы чаще всего никогда не покидаем красивые районы, неудивительно, что тот или иной студент говорит на окраине средней школы, что он никогда не знал "пригородов". Несмотря на то, что школа не является *престижной,* она гарантирует 100% успех в общем бакалавриате для своих учеников, а также подавляющее большинство упоминаний. Зная, что она не может конкурировать с учреждениями монастыря Сент-Женевьев, она предпочитает полоскать гуманистическую и либеральную репутацию, которую она закрепила, взращивая душащую личность, которая достигла своего пика в начале 2010 года, когда один из ее учеников покончил с собой, отказавшись от учебы на шестом этаже школы. Как и все "контрактные" школы, она финансирует своих учителей за счет налогов и довольствуется сбором скромных десятин от родителей учеников в размере почти 2700 евро в год для организации совместной жизни.

*

Отбор на входе строгий, генеалогии и спонсорство так же важны, как и академические результаты. Начиная с шестого класса и далее требуется сдача экзамена и изучение досье, с тем чтобы обеспечить повышение по службе около двухсот учащихся. Идеально предполагаемая, кооптация господствует, отдавая предпочтение тем, кто уже посещал школу. Поскольку исключения и повторы происходят редко, они быстро заменяются.

Начиная с шестого класса и далее организуется поездка, чтобы свести вместе все занятия и создать чувство собственного достоинства, которое скоро насытится. Прежде всего, Эльзас, конечно же, является данью уважения основателям протестантской церкви, чья культура так высоко ценится. Но миф обретает свое полное измерение в пятом классе, с *Путешествием в Рим* и его красными бобами, которые затем расширяются за счет "сложных" спортивных соревнований, в четвертом классе, во Флоренции во втором классе и, наконец,

самоорганизованной поездки в первом классе. В отсутствие слишком высоких требований в области образования делается все возможное для того, чтобы как можно скорее сформировать чувство принадлежности, которое позволит сформировать неразрушимые и востребованные узы солидарности на протяжении всей жизни. Все делается для того, чтобы в этих местах не происходило плохих встреч, и чтобы каждый знал, как чувствовать себя обязанным и уважительно относиться к тому, кто был им навязан с самого раннего возраста. Прежде всего, делается все возможное для того, чтобы никто не мог создать напряженность из-за своей социальной принадлежности, и поэтому любой вопрос о существующем порядке может быть поставлен под сомнение. Величайшие наследники Франции часто встречают несколько редких *ударов в* одиннадцатом округе, различие классов которых явно ощущается, но которые мы отказываемся клеймить позором.

Таким образом, школа, наряду с некоторыми другими, играет основополагающую роль в эндогамии нашей элиты и уверенности в том, что ее привилегии никогда не будут поставлены под сомнение. Различия в судьбе и статусе, конечно же, не препятствуют размножению каст с разными статусами в этом микромире. Но здесь, однако, опять же, речь идет о том, чтобы привыкнуть к различиям и сделать их естественными, чтобы способствовать познанию послушания и господства, которые затем будут продолжаться.

Хотя среднее число классов в классах составляет шесть, те, кто учился в школе с третьего класса детского сада, пользуются защитой и неоспоримым сравнительным преимуществом, формируя реальную солидарность органов, которая выходит далеко за рамки различных статусов, которые умеют создавать дети и подростки. Доступ к различным группам, сформировавшимся за эти годы, регулируется множеством критериев, сочетающих в себе экономические ресурсы и способность воспроизводить эстетические коды и каноны того времени. Столовая, в которой находятся все смеси, была

быстро заменена различными ресторанами в окрестностях, в этом очень дорогом латинском районе, где постепенно были установлены отличия. В основе воспроизводства элит не лежат интеграционные процессы, которые в дальнейшем приведут студентов, пропустивших конкурсы великих элит, к поиску компании в провинциях, которые *интегрировались*, ожидая их задержки, чтобы быть пойманными браками или промежуточными процедурами, первоначально созданными для наиболее обездоленных и теперь колонизированных теми же наследниками, после тура Ассаса, иностранного преподавателя или школы кино.

Те, кто завершил все свое школьное обучение в этом небольшом убежище мира, где отсутствует социальное разнообразие и где отношения с виртуальным миром с самого раннего возраста имеют огромное сравнительное преимущество перед остальным населением. И это преимущество, лишенное существа и заключающееся в владении кодексами, сетями и социальными привычками, которые управляют парижским "я", они без колебаний мобилизуют его. Князья школы, в которой иерархия состоит из старшинства, превалирующего над новыми когортами, прибывающими в шестой класс, и над всеми теми, кто изолированно должен будет пройти свой путь шаг за шагом из-за промежуточного назначения, при поступлении в среднюю школу или в переходный класс, новички имеют дополнительное преимущество, занимая в своей социальной среде и с раннего детства одно из этих привилегированных положений, которое, через старые связи и накопление информации о себе, получат

Мы угадали, к какой категории принадлежал мистер Аттал.

*

Если республиканская школа будет продолжать, благородным и доблестным, но еще менее убедительным способом, выдвигать объективность своих критериев

оценки для утверждения равенства своих абитуриентов, то социальная реальность останется, пусть и скромной, более нюансированной. Очень быстро, как и в других местах, социальный, экономический и символический капитал, который должен вносить каждый, распределяется и распределяется. От публичных выступлений до самых лучших знаний, от крупных объектов недвижимости до разнообразных сетей, игровая площадка быстро превращается в огромное торговое пространство, где повсеместно царит бессознательное и неосознанное, а вместе с ним и видимость нормальности. Это чудо репродуктивных устройств: замаскировать их исключительность, заставить участников верить, что юный возраст помогает в их наивности, что они не оказываются ни в какой благоприятной форме.

В единственном классе 2007 года, откуда придет Габриэль Аттал, можно было найти внучку Валери Жискар д'Эстен и дочь генерального директора Club Med, генерального директора Archos, сестру будущего босса Uber France, один из наследников Сейду, братья и сестры продюсеров фильма "Годо", далекие наследники одного генерала из Верхней Церкви, великие потомки де Галларда и Ластура, дочь владельца прессы Бернара Зекри и основателя компании "А".П.С. Жан Туиту, внук "босса банков", Мишель Переро, дочь президента Американского университета Парижа Жерардо Делла Паолера и так далее. Руководители компаний CAC40 , юристы и другие старшие должностные лица ЮНЕСКО, сын директора Генриха IV и небольшое меньшинство потомков так называемых работающих художников, профессоров и представителей интеллигенции, создали среду, которая естественным образом обогатилась в результате повышения по службе: Оливенны, Буссеро, Бретон и другие отчества всемогущих министров, мужчин и женщин, как и все они, за возможным исключением Юпперта и Скотта-Томаса, также присутствуют, на имена которых, в банальности внутреннего себя, никто больше не обращает внимания.

Необходимо понять, что делает меритократическая иллюзия, чтобы скрыть эту экстраординарную концентрацию богатства и привилегий, в результате которой классы других средних школ остаются столь же депопулятивными, способствуя процессам привыкания к власти, но не приносят никакого эффекта в будущем судьбы. В нескольких километрах от школы, теоретически оснащенной такими же ресурсами, едва ли удастся достичь пятидесяти процентов успеха в общей бакалавриате на возрастную группу, но учителя и студенты должны будут поверить, что этот разрыв обусловлен различиями в способностях. Мы должны измерить, насколько слепыми мы оказались, полагая, что в этом огромном природном насилии будет какое-то выражение олигархической системы, одержимой воспроизведением того же самого и обеспокоенной возникающими странностями в той или иной форме.
Крайняя концентрация социального, экономического и культурного капитала в этих местах создает атмосферу неразговорчивости, когда любое явное рассмотрение происхождения приравнивается к замечанию о сексуальной ориентации или религиозной принадлежности и поэтому подвергается строгой цензуре. Так же, как антисемитизм, гомофобия или проявление любого расизма, демонстрация слишком явного классового различия немедленно побеждается во имя "совместной жизни", направленной на подпитку собственного мифа и создание пузыря, изолирующего его от остальной части населения.

Как мы уже догадывались, демаркационные линии тем более насильственны по своей сути, и без достаточного экономического или культурного капитала их легко исключить, а цвета кожи, социального и религиозного происхождения и образа жизни проявляют себя в единообразии. Только здесь и там, в нескольких акциях, мы можем найти приемного сына большого босса CAC40, который отходит от правила, делая виртуальными все дебаты о идентичности, которые происходят в остальной части страны, в то время как остальная часть их окружения остается под защитой. Закрытая ваза усиливает растущую

однородность окружающих районов, при этом внутреннее самосознание школы все больше соответствует самоидентификации общества в процессе балканизации. В то же время участились случаи повторного насилия, будь то самоубийства или акты самоуничтожения, что является естественным аналогом требования о безупречном внешнем виде и заставляет замолчать любые признаки слишком заметных различий.

*

Мы должны были понять это, г-н Аттал, которого в этих местах до сих пор называют Габриэлем, происходящего из этих миров, и в частности из туманности, которая с детского сада обучалась там, и которая в этом мире является одной из самых богатых. Накопление социального, экономического и символического капитала, который дадут ему эти годы обучения, станет основой для быстрого восхождения, что позволит политическим элитам быстро интегрироваться в поисках пехотинцев, без необходимости производить или демонстрировать что-либо, с простым репродуктивным эффектом. В ультраиерархическом обществе, где элиты обладают символической монополией, основанной на контроле над внешним видом и видимостью, г-н Аттал, естественно, будет интегрирован, демонстрируя свою способность играть по правилам, *хорошо выглядеть* и имитировать буржуазное поведение, которое в остальной части общества было бессознательно интегрировано как самое высокое.

Пересекая насилие, порождаемое такой средой, не разваливаясь, не имея всех ресурсов, которые элита может предложить себе, Аттал будет полагаться на эти ресурсы, мобилизованные в этой идеальной среде, которая позволит ему, совсем молодому, столкнуться с теми, кому несколько десятилетий назад, иногда со своими старшими, но не имеет пути, по которому он не может пройти.

*

Мы должны измерить уверенность, уверенность в том, что мы уникальны и особенно успешны в системе, слепой к насилию и несправедливости, поставив ее до сих пор под бушель, что она питает одно из самых жестких и жестких обществ, не задумываясь ни о чем, кроме как интуитивно, чтобы бросить ей вызов. Способность этих конформационных мест, чтобы заставить вас поверить в свои собственные качества, если вы придерживаетесь его догм так, что становится трудно, когда вы никогда не сталкивались с другими средами - и все организовано для этой цели - не верить в эти басни, и не рассматривать как свои собственные успехи системы, которая только несли вас.

Республиканская идеология доказывает вредность в этом отношении, заставляя людей верить, что через якобы объективизирующую универсальность бакалавриата и его соревнований, можно было бы добиться успеха в индивидуальной славе [22]- где система довольствуется тем, чтобы сделать вас солдатом на службе, победой над всем обществом - где была организована только конкуренция между хорошорожденными людьми. Самые жестокие статистические данные, показывающие, в какой степени национальное образование превратилось в сокрушительную машину, никогда не будут достаточными, чтобы убедить тех, кто был священником системы, и *тем более тех* немногих, кто, будучи выходцами из самых скромных слоев общества, будут выдвигать, чтобы продемонстрировать, что "это возможно, чтобы избежать наказания", иногда становясь невежеством и с новым рвением защитники системы, которая раздавит их, но это позволило им отличиться и дистанцироваться от страданий, которые окружали их - жертвуя по этой причине всем, что составляло их идентичность.

Габриэль Аттал, далекий от страданий или предотвращения, которые накопление привилегий иногда порождает у самых занятых существ, мог положиться на

22 В этом Габриэль Аттал и Эдуард Луи - точная противоположность последнему - образуют две стороны одной и той же медали значительного упадка для нашего времени и нашей цивилизации, каждая из которых требует конформации.

этот первоначальный капитал, чтобы стать безусловным солдатом порядка, который был погряз в несправедливости и насилии, отстаивая систему, которая увенчала его. Его назначение на пост министра образования, политика которого направлена на дальнейшее усиление неравенства, порождаемого нашим национальным образованием, после отстаивания реформы незначительного насилия в отношении значительной части молодежи, не является результатом случайности, и было бы весьма наивно протестовать против того, что этот человек, никогда не знавший ни университета, ни государственной школы, должен был бы регулировать их сегодня.

*

Естественность школьной среды и специфика ее социальной среды являются предметом постоянного отрицания со стороны абитуриентов, которые стремятся сделать естественными те механизмы общественного воспроизводства, которые их закрепили, и насилие, порождаемое экономической системой, в которой делается все возможное для защиты наиболее привилегированных слоев населения. Оставшееся место всех противоречий буржуазии, претендующей на привязанность к республиканской идее, но отказывающейся смешивать своих детей с детьми плебея, эльзасец, пожалуй, является самым ярким примером злоупотреблений нашей системы, естественно порождаемых, В дополнение к большому и посредственному соответствию, правой мысли, которая игнорирует себя, будучи убеждена в своем добром праве, настолько ослепленном своей изоляцией от остального общества, убеждена, что принадлежит к лагерям прогресса, защищая идеи, которые никоим образом не угрожают ее интересам.

Поэтому неудивительно, что она родила одного из самых заметных детей Макрона, как это она сделала некоторое время назад у некоего Станисласа Герини.

Теперь давайте сосредоточимся более конкретно на объекте нашего мышления. Габриэль Аттал сыграл особую роль в этой системе. Старший из братьев и сестер юриста и продюсера Ива Аттала, он очень рано принял более привычное классовое поведение в больших школах на правом берегу, где презрение и классовое доверие являются системой, чем в эльзасском, где мы его видели, пристойность предотвращает любое преувеличение.

В эльзасском стиле неустойчивость многих видов экономического наследия, плодов буржуазного роста, или тех, кто стремится к воспроизводству и укоренению, чаще всего способствует скромности и благоразумию, форма урбанизации, пронизанная ценностями и "совместной жизни", которую Аттал с самого начала будет категорически отвергать. Входящая в состав школы с детского сада и далее, она пользуется одним из самых важных экономических преимуществ учреждения, а также культурным и социальным капиталом, который сочетается с расстройствами, вызванными тем, что дезертиры из класса иногда оставляют своих детей. Его отец, умерший в 2015 году, основал свой успех, став частью системы, которая сделала юристов-предпринимателей правящей в 1980-х годах, к которой он с большой радостью присоединился, основав фирму, которая привела его к управлению поместьями и делами богатых художников. Подпитываемая развитием обстановки, которая в конце десятилетия сделала деньги королем и породила первые культурные династии Парижа - благодаря щедрой культурной политике, начатой под руководством Жака Ланга и направленной на оказание поддержки Миттерандии и левым в целом новой парижской элите, - Ив Аттал быстро понял, что может дать ему диверсификация источников финансирования французского кино. В хаотичной и мирской карьере, после того, как он создал важную сеть через свою фирму, он приблизился к киноиндустрии, создав определенное количество финансовых средств для авторских фильмов, прежде чем быть завербованным, за миллионерскую зарплату, Франсис Буйгес, чтобы участвовать в безумном приключении Ciby

2000, из которых он стал в начале 1990-х годов вице-президентом и временным бюрократом.

Необходимо измерить важность, так как в парижских элитах все еще не известный вчера характер обретает все большую значимость. Под прикрытием таких легендарных продюсеров, как Даниэль Тоскан дю Плантье, который должен был принести содержательную записную книжку, включая директора Вима Вендерса, в общество, которое мало слышит об искусстве, Ив Аттал участвует в одной из самых легендарных и быстро провалившихся историй французского кино: реализации плана производства, состоявшего из траты почти 800 миллионов франков времени на самых требовательных режиссеров и писателей. В то время как Мартин Буйгес захватил семейную империю, не меньше, чем сам Фрэнсис Буйгес решил посвятить себя телу и душе этой компании. Окруженный лучшими на континенте продюсерами и директорами, он стремится к переосмыслению системы производства, которая должна стать частью Голливуда и обеспечить континент продукцией, которая, наконец, будет соответствовать его глобальным амбициям. Все, что прямо или косвенно касается этого нового крестного отца французского кинематографа, сразу же посвящено ему. Лидеры со всей Европы спешат к своим лидерам, чтобы заработать миллионы. Тщеславие господствует в приключениях без рамок и мысли, которые знаменуют слияние культурной элиты левого берега с одной из величайших линий столицы на Западе и ее огромным финансовым наследием, под благосклонным взором падающего социализма.

Однако дело быстро обернется коротким. В то время как Аттал только что назначен, право возвращается к власти, и больной Фрэнсис Буйгес передает ключи от новой производственной структуры Жану-Клоду Флери, последний приходит к власти и толкает Ива Аттала в отставку. Этот, не имеющий реальных отношений с промышленностью и ее авторами, взятый на вооружение амбициями, которые в конечном итоге поглотили его, едва освященный, оказывается униженным и вынужденным

оправиться, даже когда он снимал за день до этого как можно ближе к новому солнцу Парижа.

Этот первый провал последует за вторым, еще более болезненным, в UGC Images, где Ив Аттал думает, что он оправился, став одним из звеньев, ответственных за создание проектов под руководством легендарного английского продюсера Джереми Томаса. Занимаясь управлением манной свободно текущих денег, яркий бюрократ без идей быстро смывается блужданием успеха, женщин, наркотиков и адреналина, сопровождающих прыжки и отскоки, смысл которых он изо всех сил пытается понять, пока он не впадает в зависимость от героина, который никогда не оставит его. Через несколько лет, после неудачи, наступившей, на этот раз угрюмой и окончательной, далекой от пламени прошлого года, Иву Атталу пришлось столкнуться с коллапсом. Ожоги, рожденные от контакта с миром, который он не понимал, никогда не исчезнут. Несмотря на ослепительный экономический успех, социальные неудачи огромны. Габриэль, поступивший на пике карьеры своего отца в Эльзасскую школу, будет проводить время в школе, пытаясь скрыть насильственные потрясения, вызванные этим путем для его семейной структуры, держа своих сверстников и третьих лиц в неуважении к гневу, оказывая помощь любому, кто угрожает ему незначительным насилием, чтобы защитить себя. Травмированная заблуждением во внутреннем пространстве, где мать, потомок одной из самых престижных ветвей аристократии Анжевина, которую он никогда не перестает требовать, должна была вопреки всем ожиданиям завладеть отцом и сохранить живой союз, который должен был освятить один из этих больших союзов между богатством и благородством и который теперь рискует лишить ее семьи, ее ветви и ее детей, сын стремится.

Это позволяет понять, что будет представлять собой сингулярность и уязвимость нашего иммигранта, спроектированного в мире, который больше не принадлежит ему полностью, стать наследником отца без

роли, сам убежден в своем безрассудстве, и имел королевскую судьбу украли у него отцовской власти, которая, подавляя его горечь и провал, который сопровождал его, сделает его жить в аду, где счастье и суверенитет, он считает, должен был быть предоставлен.

Уникальность, а не только уязвимость, потому что Эльзасская школа - это идеальное место для побега, даже для того, чтобы вырваться вперед, когда у человека есть большое финансовое богатство и благородная база, открывающая двери для самых больших митингов, если он готов на несколько мелких сделок уступить свою долю капитала и смешать ее.

Это то, что молодой Габриэль будет быстро делать с помощью своего двоюродного брата и аристократической ветви своей семьи, также получившей здесь образование. Утверждая о своем царском происхождении и связях с величайшей русской аристократией, очень рано окружив себя небольшим двором, в который войдут наследники семей Туиту и Оливенны, а также более хрупкие и уязвимые существа в эльзасском обществе, поскольку они лишены поддержки, которую другие продолжают требовать, чередуя большие социальные слои с раздавлением его жертв в данный момент, соблазняя наследницу Жискара до момента, когда она была приглашена в их владения и ухаживала за своим кумиром в данный момент Валери, прежде чем показать себя гордым вместе с наследницами Кларин, перед соседней средней школой Виктора Дюрюя - место, где элита седьмого округа воспроизводится, где он без колебаний делает ноги журавля, - Аттал, кажется, чередует ликование, что он радует время от времени. а

*

Дискомфорт толкает к разграничению и объясняет, почему Аттал, в отличие от большинства своих собратьев, не опустится в самую незначительную ничтожность, как только покинет этот водоворот, и будет продолжать пытаться строить свою судьбу для себя. Несмотря на

накопление капитала таким образом, что при любой здоровой системе, благоприятная конкуренция и стимуляция способствовали бы не только новичкам, но и обществу в целом, приносить пользу, эльзасец поощряет комфорт и расселение. Это не может быть обвинено в том, что он избегал этого.

В условиях, когда политика является делом каждого, а формирование суждения - необходимостью, дебаты о Европейской конституции и израильско-палестинском конфликте оживляют последние классы средней школы и первые классы средней школы. Затем молодой Габриэль сказал, что у него есть право на претензии. Сила ее политического и социального утверждения парадоксально контрастирует с миром, в котором люди гордятся тем, что интересуются миром, но в котором наследница Жискар сдержанно придерживается выдающихся мнений. Заявляя о ярко выраженном саркозизие - где все презирают этого нахального человека, не имеющего ни одного кодекса своего общества, - молодой подросток уже показывает предполагаемый морг, охваченный духом серьезной мстительности, от которого он никогда не откажется. Презрение к ближним его замолкает только тогда, когда он сталкивается лицом к наследнику большой семьи, которого потом пытается соблазнить. В школе, где господство строится тихо, человек издает большой шум. Срочность этого разграничения, похоже, навязывает ему излишество и чрезмерное стремление к материальной и социальной легкости, на основе которой он сделал бы свой выбор, удивляет в условиях, когда никто не может жаловаться на отсутствие и, следовательно, заинтересован в попытке проявить себя таким образом.

Как и любая элитная школа, Эльзасский язык является жестоким местом для тех, у кого нет ключей. Несколько *аутсайдеров, которые,* как правило, набираются для получения хорошей академической успеваемости или для занятий музыкой в музыкальных классах, предназначенных для привлечения талантов извне, чаще всего являются результатом кампаний по остракизму, организуемых наиболее интегрированными коллективами.

Для тех, чья одежда, имя, акцент или другие мелкие жесты предают привычку к дифференцированному социальному, культурному или экономическому происхождению, являются наиболее очевидными мерами изоляции, которые могут быть приняты только по окончании средней школы. Формируя меньшинство и парадоксальный плебисцит, который в лучшем случае вызывает равнодушие, чаще всего насмешки, и пытаясь организовать свое существование путем строительства собственных общин, те, кто завтра будет иметь самые интересные судьбы, подвергаются унижению на этих землях, когда они стремятся выделиться, и чаще всего выбирают свободу действий, к которой их учат уважать. *Scola Alsatica не только* не является местом, где приветствуются наследники республиканской меритократии, но и те, кто отличился в областях, требующих самоотверженности и таланта, *она* ценит прежде всего интеграцию в существующий мир. Гениальность редка, доминирует различие, и поэтому подавляющее большинство предпочитает тех, кто довольствуется тем, чтобы вести себя как наследники последовательного общественного воспроизводства.

*

В этих школах власти, которые обязательно рифмуется с жестокостью, нередко возникает значительный побочный ущерб, что свидетельствует о масштабах власти, сконцентрированной в руках немногих. С другими сильными головами, второй класс Габриэля Аттала получает таким образом скальп не менее трех учителей, в игре в бойню, которая, кажется, не имеет конца. Из-за плохого сочетания студентов, брошенных там, год превращается в катастрофу, вынуждая учителя ЕГЭ уйти на досрочный выход на пенсию, а замещающих учителей французского языка и биологии - на *выгорание в* атмосфере ювелирного возрождения и обобщенного шума. Накопление привилегий, возможности, предоставляемые их культурным *наследием*, абсолютная эндогамия и отсутствие академических проблем - все это способствует созданию атмосферы классовой войны, которая невозможна для самой школы, поскольку учащиеся

слишком хорошо осознают свое превосходство над своими руководителями и учителями. Самые хрупкие из последних, которые, далекие от благородных дел или установленного социального происхождения, только проходят или не владеют кодексами агрессивной буржуазии, сразу попадают в ловушку студентов, поддерживаемых теми, кто до этого были замучены, и кто находит в восстании против защитников порядка, который раздавит их неожиданный выход. Альянс странный, но он работает на полную мощность. В нем также показаны масштабы несчастий, лишенных учеников, которые вынуждены выпускать пар в школьном пространстве. Потому что за накоплением привилегий часто стоят скрытые ситуации крайнего семейного дезинтеграции, когда неистовые амбиции распадаются и дегуманизируются через насильственные шествия.

Отсутствие привязанности школьной надстройки к канонам республиканской успеваемости еще больше ослабляет хороших учеников и учителей, которые, если их выбирает администрация, не защищены, как в Генрихе IV и других, престижом своего учреждения, сохранение которого оправдывает несуществующие здесь механизмы контроля. Вопреки тому, что преобладает в крупных средних школах Сент-Женевьева, высшая школа - это, например, название, неизвестное всем, поскольку оно не соответствует ни одному из ожидаемых векторов легитимации. Если SciencePo, HEC, а иногда и Assas или даже политехнический институт могут влюбить учащихся - настолько сильно, что каждый может казаться гарантом успешного социального воспроизводства, - то гораздо больше, сравнивая свой второй дом, джинсы для дизельного топлива, чем в моде или по вечерам, которые начинают смешивать лучшие школьные предметы с предметами высшего образования в Западном Париже, чем предполагалось в ходе дискуссий.

Речь идет о социальном признании, и ничто не проходит сквозь содержание. В этом отношении школа является идеальной подготовкой к тому, чем станет наше общество, где преуспевают только избранные люди, способные сохранить видимость господства, его привычки и обычаи, и

ни в коей мере не способные производить какое-либо вещество. Проявление мужества, жертвование собой во имя какой-то идеи, даже самоотверженность - понятия в этих эксцентричных местах. Рок-группы финансировались родителями и ретранслировались в медиапространстве друзьями, наиболее успешным примером которых был *Второй Пол* - и, в то же время, их ужасная посредственность, наиболее симптоматичные - создают эффектные контр-иерархии, которые позволяют школе блистать, а ее абитуриентам порвать впечатление принадлежности к второсортному пространству в рамках парижской олигархии, ориентируясь на экономический и социальный капитал элит на правом берегу и "меритократическую" и культурную монополию основных институтов 5 округа.

Неудивительно, что одним из немногих, кто отличился в продвижении Габриэля Аттала намного раньше, является певица Джойс Джонатан, эфемерно продвинутая в *чарты* благодаря умному сочетанию конформизма и социального фонда, который создаст целую серию менее впечатляющих, но не менее устоявшихся карьер для многих из ее коллег-творцов.

Бизнес не идеален для Аттала, который должен отличиться, чтобы *выжить*, а не просто быть наследником. Придерживаясь приоритета, отдаваемого школой "развитию учащихся" над академической успеваемостью, которая привлекает так много родителей, желающих зачислить своих детей в эти заведения, он изо всех сил пытается нарушить *статус-кво,* не преуспев в этом, питая петли разочарования, которые быстро приводят к плохой политической дискуссии. Специфика заведения, где успехи в учебе стали второстепенными для наследников системы, где достаточно получить средние результаты для легитимизации общественного воспроизводства, мешает этому существу, которое должно абсолютно отличиться в этом пространстве, догнать и воспользоваться теми социальными возможностями, которые открываются перед ним в этом заведении. Однако меритократическая внешность гарантирует легкий успех в обществе, где интеллектуальная вещь полностью обесценивается, мало

исследователей, великих ученых или интеллектуалов, промышленников и журналистов выходят из учреждения, отвечающего за установку, а не за требования. Гарантируя свой экономический комфорт, Аттал выберет политику очень рано и сделает все, чтобы обосноваться там.

Пробираясь через эти ненасытные места, избегая мусорных контейнеров с алкоголем и наркотиками, которые появлялись в 4 веке по вечерам на языках, Аттал ценой многих компромиссов проследил судьбу, ведущую к самому раннему возрасту в сердце очень специфического правительства.

Макрония, нуждающаяся в молодых руководителей, придерживающихся, как президент, существующей системы, не неся ничего, кроме более совершенной амбиции конформации, была идеальным местом для этого мальчика, который должен был сделать как можно скорее, и который не хотел жертвовать ничем ради этого, ни поставить под угрозу систему, в которой он оказался, *nolens волков,* конечно раздраженные, но защищенные.

Борьба за жестокую интеграцию, которая позволяет наносить все удары по эльзасскому народу, является предигустацией того, что будет господствовать в маленьких парижских кругах, когда взрослое население достигнет совершеннолетия. Являясь детской площадкой, ставшей местом обучения, школа обладает всеми особенностями полномочий, которые ждут своих членов в будущем, и позволяет уверенно готовиться к ним, в том числе к воспроизведению всех своих недостатков. Мы смотрим друг на друга и выделяемся там только внешне. Идеальное место для медийного общества, где необоснованная политика безумно конформистской власти навязалась без всяких сомнений, это будет местом для всех тренингов Аттала. В эпоху, когда достаточно подтверждения его достаточности в языке и поведении, соответствующем кодексам определенной элиты, не сделав ничего из того, чтобы быть избранным президентом до сорока лет, эльзасские мальчики, имеющие эту мелочь в дополнение - в данном случае, шаткого члена семьи, который мобилизует тело и душу,

чтобы заставить своего ребенка выкупить неудачи своих старших, - получают невосполнимое преимущество, с которым впоследствии будут пытаться бороться. -Там, где ученики Генриха IV и нескольких других школ должны исчерпать себя, чтобы показать свой талант к интеграции лучших великих эколей, достаточно того, чтобы эльзасец был галантливым.

*

Это все еще должно спровоцировать его возможность и неспособность удовлетворить его амбиции, не говоря уже об обязательстве, использовать предоставляемые возможности. Ведь если Аттал является одним из самых амбициозных социальных пространств, где доминируют удовлетворенность и насыщенность привилегиями, то ему все равно нужно *выделяться, а его* провокации, которые будут столь плодотворны в медиапространстве, все еще отсутствуют в малых сферах, чтобы освятить его.

Таким образом, в результате этих смешений, которые вызывают бессознательные и социальные детерминизмы, одна из старшеклассниц школы будет странным образом привлекать ее внимание, когда ее судьба начнет готовиться. Александра Р., внучка Алена Турена, прежде всего дочь Марисоль Турен, выдающейся социалистической иерархической фигуры. Троцкистка, которая презирает социальных предателей школы и своих сверстников, Александра, которая окажется в КББ, оказывается относительно изолированной в мире, границы которого она воспринимает, не зная, как их обойти, и восхищается вниманием, уделяемым ей одним из ее самых ярких сторонников. Внезапно оказавшись в тисках, которые часто возникают в очень больших семьях - его мать замаскировала его принадлежность к великой аристократии путем удаления частиц, а его отец является одним из самых влиятельных дипломатов в стране -; жертвой беспорядков, питаемых семьями в результате связей между женщинами и мужчинами власти, Александра поглощается этим мальчиком с помощью методов молодого первого, кто собирается стать, как многие из его

сверстников, студентом, чистейшим по образованию. Соблазнившись излишеством и вкусом к проступкам, которые отражают странное восстание, которое вызывает у нее это *заведение,* а также легкостью, с которой она демонстрирует себя в этих местах, где она чувствует презрение, Александра позволяет себе быть пойманной и представляет ее по ее просьбе в своем семейном кругу, предлагая ей ключи к ее будущему вознесению. Правая риторика Аттала продолжается, его жестокое отрицание попустительства, которое он без колебаний поет, и которое так далеко от его собственного, вскоре смягчится. Александра влюбляется в маски, предложенные ей, и с очевидной способностью убеждаться, что Аттал, в тонком смысле, заставляет ее кричать.

Именно на этом пути, где смешиваются счастливая компания, общественные мероприятия и предварительные рейтинги на больших объектах недвижимости, происходит одно из таких событий, которое может удивить любого, кто не знает этих мест. Оба в поисках вознесения Габриэль и Александра имеют безумную идею претендовать на частицы, которые их родители решили спрятать. Жестом, который не удивляет администрацию школы, так как он стал так распространен в этих местах, обе просят, чтобы их дворянство было добавлено к их фамилии. Так, к удивлению своих одноклассников, Габриэль Аттал стал учиться в средней школе Аттал-де-Курисс во время звонков учителей, а его одноклассник стал А. Р.де М. Это вызывает смех и удивление.

Поклонник подвигов силы и провокаций, соблазнивший Марисоль Турен, когда он пытался связаться с Валери Жискар д'Эстен, Аттал был немедленно уполномочен вступить в кампанию Сеголены Рояль и жестоко отказался от своих саркозистских красок. Тот, кто активно выступал за правого кандидата, который не переставал претендовать от радикального сионизма на отказ от любого перераспределения через легитимизацию неравенства, смесь ультралиберальных взглядов и

классического социального консерватизма в этих местах, к всеобщему удивлению, превращается в добродушного социалиста.

Г-н Атталь де [23]Курисс, которому всего 17 лет и который не потерял ни одной разрушительной и жестокой страховки, соблазнившей его собеседников, легко получает диплом о среднем образовании, без сожаления покидает школу, которая заботится о нем с детства, и интегрирует SciencePo в нее за несколько шагов, где он создаст систему, развернутую в средней школе. Приверженный "республиканской меритократии", наделенный интеллектом, который система только что освятила, наслаждаясь чувством всемогущества, которое никогда не заставляло его терпеть неудачу, он всегда более соответствует своему классу, инвестируя в большие расходы и небольшие различия, катаясь на скутере из своей большой квартиры семьи в SciencePo, относиться с презрением к большинству своих соотечественников, которых он считает социально неполноценными, начинает приглашать своих самых привилегированных сверстников в свой роскошный замок и резиденцию на острове Иль-о-моин, создавая таким образом сеть, обмениваясь полосканием о своем происхождении для внезапной приверженности прогрессивизму, проявляя безразличие к любой идее, наконец, готовый поставить себя на службу политического проекта, который он до этого посвятил драгоценности.

Надо сказать, что SciencePo - идеальное место для тех, кто приезжает из этих высших учебных заведений, которые элита не может не освятить, и кто хочет быть освященным. В его продвижении не менее двенадцати студентов являются выходцами из единственного Генриха IV, в то время как старейшины эльзасского района пользуются привилегиями, предоставляемыми отличными знаниями и культурными условиями, которые непосредственно подготовили их к этому, делая курсы первых двух лет

23 Его частица, все еще присутствовавшая при допуске в SciencesPo, быстро исчезнет. https://www.sciences-po.asso.fr/profil/gabriel.attaldecouriss13

совершенно бесполезными, чтобы быть полностью честными. Тем более что, находясь в положении нависания по сравнению с подавляющим большинством своих одноклассников, те, кто был допущен, получают "социальную премию", которая привлекает к ним тех своих бывших одноклассников, которые, потерпев неудачу или даже не приняв участия в конкурсе, должны теперь думать о мерах по обеспечению их сохранения среди парижских элит, которые так сильно беспокоят их родителей.

*

Итак, вот Габриэль Аттал, который, безусловно, безуспешно, поскольку компании управляются моргом, представляет себя руководителю отдела SciencePo PS, что он признал за несколько месяцев до того, как яростно ненавидел - и где он столкнется с будущим главой списка европейских Insubmitted France Manon Aubry - прежде чем пытаться навязать себя через друга семьи как сильный человек из Ingrid Betanc поддержки комитетов, нахождение ресурса для построения вертикальных социальных сетей, которые идеально дополняют социальную базу, обеспечиваемую его интеграцией в систему SciencePo.

Тем не менее, винир приверженности, приписываемый ему недостаточно силен, так как ему трудно скрыть высокомерие и чистое желание доминировать. Переехав в Ванвс, в нескольких шагах от квартиры, которую финансировали его родители, он попытался обосноваться в местном отделении Социалистической партии, организовав визит Марисоля Турена, который позволил представить его секретарю Социалистической партии и депутату оппозиционного городского совета, который после неудачи на выборах 2014 года отдаст ему место и интригует его в качестве преемника городского совета, а затем жестоко предаст его.[24] Неудача на муниципальном уровне в спешке расстроила амбиции Аттала, но он продолжал пытаться приблизиться к социалистической *интеллигенции.* Если его

24 http://www.leparisien.fr/espace-premium/hauts-de-seine-92/conseiller-de-marisol-touraine-et-dans-l-opposition-locale-08-04-2014-3749023.php

вступление в семью Бетанкуров, безусловно, позволило ему начать расширять свои политические связи, то его попытка присоединиться к Эрве Марро, который быстро стал членом совета в мэрии Парижа, провалилась. Его присутствие на площадке Villacoublay Tarmac во время возвращения мадам Бетанкур, на мероприятии со слезоточивым газом, о котором он долго рассказывал в *Париже* во время одной из статей летом 2018 года, не принесло ему ничего.

*

Это, пожалуй, самый решающий момент в запланированном восхождении Габриэля Аттала, который, опять же, понимая, что вещь может не помочь ему, пытается стереть его частицы.[25]

Неспособность принять участие в ПС секции [26]естественных наук была связана, к его большому удивлению, с академическими трудностями. Прекрасный знаток себя, что мы учимся понимать и доминировать в SciencesPo, Аттал настолько скучен, что он неоднократно не может повторить год. Окруженный, как эльзасская женщина, двором наследников, смешивающих погибших, амбициозных и очарованных наследников, в том числе дочь великого русского олигарха, с которым он организовал небольшие вечеринки в 16 округе, он должен был выбрать стажировку на третьем году, будучи исключенным из самых престижных университетов. При официальной поддержке Фредерика Миттерана он бы заявил, что выбирает *виллу "Медичи"*. То, что станет его единственным "профессиональным опытом" до его назначения Марисоль Турен на самые престижные государственные должности и его избрание заместителем - стажировка, таким образом, - не открыло дверей, на которые он надеялся. Первая конфронтация Габриэля Аттала с реальностью, хотя, по крайней мере, и отмечена, но неудача. Миттеран, уехавший в Министерство культуры до своего прибытия, сменил Эрика де Чезси. Преподаватель в педагогическом училище быстро устает от этого

25 https://web.archive.org/web/20171031034047/http://ps-scpo.over-blog.com/article-profession-de-foi-de-gabriel-attal-candidat-a-l-election-de-secretaire-de-section-57039874.html

26 http://leplus.nouvelobs.com/contribution/195980-primaire-ps-six-concurrents-nicolas-sarkozy-comme-seul-adversaire.html

провокационного молодого человека, который не может работать в команде. Стена реальности сурова: это существо, которое в конце концов поверило себя блестяще и несколько беспомощно, когда ему впервые пришлось столкнуться с миром, который, по крайней мере, защищен.

Период трудный, и заставляет Аттала догадываться о трудностях, которые будут ждать его, когда он покинет коконы, где он сохранился до сих пор. В SciencePo, конкуренция имеет важное значение с другими наследниками, которые проявляют не менее важную склонность к насилию. Ему пришлось удвоить свои усилия, и здесь он поступил на юридический факультет в Ассас, чтобы попытаться отличиться. Там, где нет необходимости доказывать свою ценность, молодой человек взволнован, оказывает поддержку Франсуа Олланду во время социалистических праймериз 2011 года, *через* Маризоля Турена пытается снова обратиться к своей избирательной команде, написав записки для Пьера Московича, и усталый, опять же, терпит неудачу. Ничто, кажется, не в состоянии отличить его больше ни отличить его, ни привлечь его милости за кокон, где он вырос: период стагнации, и с застоем, из самых воплощенных страданий. Даже список студентов, в котором он участвует для того, чтобы организовать вечера SciencePo, средство первичной интеграции в учреждении, не получил ожидаемых голосов и был предметом резкого насмешки,[27] а его дань уважения покойному директору SciencePo на совместной платформе "Le Plus", утверждая, скрытым образом, что не было близости, также не дал ничего. Это начинает меня беспокоить.

Чудо, однако. Некая Александра Р., ставшая де М., смогла компенсировать задержку и неудачу в учебе у Анри IV и присоединилась к SciencesPo год спустя, позволив ей снова соединиться с нитью, которая угрожала исчезнуть. Получив профессиональный опыт до окончания университета, Габриэль Аттал прошел стажировку у... Марисоль Турен. Уже январь 2012 года, в середине президентской кампании, она возглавляет отдел по социальным вопросам, который вернется к Мартине Обри

27 http://lapeniche.net/election-bde-44-tabula-rasa-des-insatisfaits-pour-mieux-renover/

после того, как будет сформировано правительство. То, что считалось второстепенной вещью, превращается по наибольшей из всех возможностей в непревзойденную стартовую площадку. Благодаря карамболе и отказу Мартины Обри занять эту должность были предложены те, чьи престижные родственники - Ален Турен, занимавший сокрушительное положение на втором слева, - и жанр, который в крайне женоненавистнической обстановке и долгие годы занимавшийся этой темой, больше этого не ожидал.

В правительстве без амбиций и идей, проводимом в рамках кампании, которая служила лишь для освящения самых незначительных, это то, что было лучше всего обещано Государственному секретариату, как это было сделано новым министром социальных дел и здравоохранения, обладающим огромными ресурсами для осуществления долгожданной левой политики и требующей создания условий, которые в отсутствие компетентных или преданных делу людей смогут ее защитить. Габриэль, который, очевидно, ничего не знает об этом, еще не занимал никаких профессиональных должностей, не имеет университетской специализации и только что узнал, что ему придется повторить свой последний год в SciencePo, предлагается на должность крупнейшего правительственного департамента в качестве полноценного консультанта.

*

Далеко отсюда кажутся те годы, когда мальчик рассыпал возмутительные и оскорбительные послания в социальных сетях, понюхав крайне правый и самый грязный женоненавистнический запах, поджег социалистическое большинство в Париже и его лидеров. Габриэль Аттал, 23 года, через последовательные эффекты близости, внезапно наделен зарплатой, которая выводит его в число 5% лучших в стране, наделен двумя секретарями, гастрономическим шеф-поваром, корпоративными автомобилями, и даже может позволить себе договориться с руководством SciencePo, чтобы получить диплом. Этот

случай, теоретически исключительный, позволяет ей получить степень магистра в следующем году без необходимости повторять заново, в частности, благодаря подтверждению ее знаний. Сдержанный, но обычный, такой тип соглашения позволяет институту скрывать тех, кто будет отвечать за него на следующий день, и тем самым продлевать свое господство.

Освященный республиканцами и социалистической партией, выступающей в роли посредника, разложение которой уже хорошо воспринимается, Аттал готов принять свою судьбу.

*

Затем высокомерие овладело существом, которому оно не было не хватает. Давайте повторим, насколько абсурдным может показаться, чтобы понять, что, по его мнению, было навязано: в 23 года, без предварительного профессионального опыта или диплома претендовать, без компетенции или востребованной специальности, Габриель Аттал, который больше не из Курисса достигает одной из самых престижных и важных должностей в Республике, и таким образом получает вознаграждение, которое быстро достигнет шести тысяч евро в месяц, включая премии, в дополнение к его наиболее известным льгот, что любой режим обычно предоставляет. Будучи ответственным за наименее значимую должность в кабинете министров, а именно за отношения с парламентом, он должен был организовать преторианскую гвардию нового министра и, помимо суеты, немедленно нанять в качестве временно исполняющего обязанности главы миссии одного из своих одноклассников, некоего Квентина Лафая. Обладая властью над одной из самых важных администраций Франции, помощниками директора, стажеров и руководителей миссий, общаясь с лучшими представителями Республики, неопытный человек попадает под власть некоего Бенджамина Гриво, избранного в Генеральный совет Саона и Луары и будущего бывшего мэра Шалона, "близкого друга" некого Бернара Мурада, и бывшего Строуссханиена. Бывший

товарищ Исмаила Эмельена - *чисто* социалистический аппаратчик, который с 2014 года без колебаний будет работать в Unibail Rodinco в качестве политического советника и уже зарабатывает на государственных средствах более 10 000 евро в месяц, 17 000 в месяц, предоставляемые одной из этих компаний по заказу государства, которая щедро финансирует "тапочки" в обмен на предоставление сетей и знаний, которые государство предложило им для общего блага. После классического карьерного пути, который привел его из большой резиденции с бассейном и спортивными автомобилями на улице Гарибальди в Шалон-Сюр-Саоне в КББ через частную школу-интернат и SciencePo, он вернулся к работе в качестве официального представителя правительства, получив назначение от Эммануила Макрона, и потребовал эту должность для защиты общественных интересов после того, как он получил разрешение на работу.

*

На улице Рю де Сегур Габриэль Аттал быстро чувствует себя спокойно. Окруженный людьми без идей и амбиций, он познакомился с неким Стефаном Сежурне, молодым наследником версальской буржуазии, который прошел через очень шикарные французские средние школы в Мехико и Мадриде, затем в кабинете президента Социалистического региона Жан-Поля Ушона, и которому было всего тридцать лет, когда он собирался мобилизовать политические сети в Москве, Макарон стал очень влиятельным советником.[28]

Дело находится в стадии рассмотрения. Когда социалистическая власть рухнула, эти молодые интригующие люди никогда не проявляли способности мыслить, мыслить и проявлять приверженность, никогда не вступали в контакт с реальностью и не испытывали никаких трудностей, не проявляя никаких особых качеств или навыков, кроме авторитарности и яростности, и готовились к приходу к власти и были посвящены в 2017

28 "Простого упоминания имени Сежурне достаточно, чтобы любой избранный член большинства был белым или дрожащим", Ле-Пойнт, 12 октября 2017 года.

году через Социалистическую партию. Гриво выступает против Монтебурга, что, тем не менее, позволило ему занять позицию в Сан-и-Луаре, полагая, что однажды он сможет конкурировать с ним, и входит через Эмельон в суд одной из растущих ценностей этого социал-либерализма, которого нет у населения, но который доминирует в парижской элите: Эммануил Макрон. Альтер-эго Габриэля Аттала стал Сежурне, который стал парламентским советником нового министра экономики, Сежурне, который пытался завербовать Пьера Персона. Пройдя обучение в Университете Пуатье, где он познакомился с тем, что станет авангардом Макронии - тогда еще социалистической - с этими "молодыми людьми с макроном", которые от Пьера Персона до Орелена Таше уже безуспешно пытались взять СУП и которые все станут депутатами, Сежурнэ связал Габриэля Аттала со своей бандой и первоначально пытался поддержать Московичей. Усталость, маневр провалился, и он, пройдя эксфильтрацию в Еврокомиссии, оставил их сиротами.

Именно тогда при поддержке финансовой инспекции Жан-Пьера Жюэ и дуополии Жан-Пьера Жюэ и Жан-Арно, вопреки любой демократии, начинает действовать "Макронное чудо", ставшее возможным благодаря сетям, о которых мы рассказали. Пустота, воплощенная ничем иным, как служением своим амбициям и готовая лишить общего блага тех, кто мог бы служить им, иезуитской средней школы La Providence, которая играет роль, подобную эльзасскому в Амьенах, пользуясь поддержкой всемогущего отца и семьи Трогнеу, Эммануил Макрон, яркий наследник провинциальной буржуазии, овладевший всеми делами "республиканской меритократии", соблазнив Германду, как и Жуйета, увидел себя, несмотря на двойной провал в ЭНС Ульме, также продвинулся в течение нескольких лет в Гете, что ему удалось убедить поддержать его, когда все кандидаты в системе рухнули от Филлора Холла, до Филлоуса. Назначенный отчаянным президентом министром, несмотря на то, что он только что покинул Елисейскую область, чтобы создать лоббистскую фирму, Макрон имел лишь одну амбицию - снова использовать ее, но не имел связей, чтобы прокормить свой кабинет.

Парадокс в том, что движение было настолько быстрым, что не хватает заслуживающих доверия людей, способных подготовить следующий шаг. Молодой охранник, которого Сежурне с одной стороны, а с другой - Труши и Эмельон, сможет привести сюда.

*

Амбиции без содержания нового министра, чья единственная вера в систему, которая составляла его, прекрасно отражается в том, что Emelien, Thrushes, Stay и группа Poitiers и их ассимилированных. Когда Макрон искал парламентского советника, молодой Сежурне казался тем более идеальным, что, помимо полного отсутствия мысли, близкой к мысли его хозяина, он был интегрирован в одну из самых важных социалистических держав, сказал, что он смог проглотить для него "потребность в левых", чьи списки он украл, и показал себя питается теми же амбициями, что и его младший. Сежурне, которому было поручено обеспечить успех закона Макрона, не удалось добиться успеха после маневра Мануэля Воллса, которому он пытался вступить в союз *через* Жюльена Дрея - момента, положившего начало узы солидарности с его министром, несправедливость усугубилась увеличением числа маневров, направленных на то, чтобы заставить парламентариев объединиться вокруг его проекта. В то время как улицы были раздуты демонстрантами, разочарованными все возрастающим числом предательств, и Вальс решил, что Макрон с помощью Казенев навяжет особенно кровавую полицию, которая нанесет много ранений и радикализирует часть французской молодежи, Макрон и его семья полны решимости воспроизвести их положение.

Сейчас эти молодые люди, потерпевшие неудачу на промежуточных выборах, которые не имеют легитимности и видят, как рушатся их спонсоры, пытаются соблазнить элиту и предложить ей новую авантюру. Пока речь идет не о том, чтобы порвать с социалистической властью, а о том, чтобы окончательно перейти к господствующей идеологии и овладеть ее

последними зубьями. В отсутствие общественной поддержки - предательства окупаются - и, испытывая отвращение к боевикам, единственная задача сейчас - заручиться поддержкой олигархии и, используя ее финансовые, медийные и государственные ресурсы, навязаться другим конкурентам.

Играя в двойную, дорогостоящую для этого игру, участвуя в параличе правительства, в тишине СМИ и *истеблишмента,* молодые люди выработали реальную стратегию мобилизации государственных ресурсов на службу будущему президенту Республики, который продолжает завоевывать высокие сферы через вышеупомянутых лиц. Аттал находится в центре этой системы и мобилизует своими удивительными приверженцами средств, осторожно применяемых для того, чтобы обеспечить, в отсутствие его назначения на должность Матиньона, его избрание.

Воспользовавшись странной скромностью олигархии, когда дело доходит до разоблачения ее влияния, Габриэль Аттал и Стефан Сежурне почти случайно оказываются в центре системы и образуют одну из тех "властных пар", которые занимают свое место и перемещают мужчин и женщин в соответствии с их близостью и политическими расчетами, используя государственные ресурсы для служения себе без какой-либо необходимости отвечать кому-либо. Тогда им наплевать на упадок социалистической власти, которую они довольствуются грабежами, а также на идеи своего правительства: теперь речь идет о поддержке, продвижении и обустройстве. Квентин Лафай, был направлен в Министерство экономики в качестве пера Эммануила Макрона, прежде чем его перевели в Элисей. Атталь, который в настоящее время дважды интегрирован *через Сежурне* и его приятеля по кабинету министров Бенджамина Гриво в Макронии, будет защищать назначение последнего в правительство, а Сежурне будет сопровождать Эмельена в Елисей. Сежурне позаботится о том, чтобы его супруга, а также Лицо, обратившееся к нему за помощью во время пребывания в Берси, помогли ему в области связей с общественностью в

Uber-Taché, и несколько других основателей компании *Jeunes Avec Macron*, тайно финансируемой М. В соперничестве с Исмаэлем Эмельеном Эрманд и Берже своевременно получили свои избирательные округа, представляя президента в комитете по назначениям партии, которая должна была исключить всю практику Старого Света и которая не смогла бы отсеять эти доказанные случаи кумовства.[29] В то же время речь идет о длительном наборе персонала, резком увеличении представительских бюджетов и численности членов кабинета, отвлечении советников от выполнения своих функций, организации мероприятий с единственной целью - служение их амбициям.

Атталь, отвечающий за отношения с депутатами-социалистами, отсасывает у Марисоль Турен нос и бороду - которая остается верной Франсуа Олланду и пытается подготовиться к переизбранию - социалистические парламентские сети, которые он получает в[30] свою очередь в офисе, чтобы рекомендовать их Макрону. Все еще пытаясь вырвать социалистическую кандидатуру в Ванве на парламентских выборах 2017 года после того, как Бартолон возглавил кампанию по выборам в департамент, он служит незаметным пилотом движения *En Marche, которое до* сих пор не без причины стоит на краю социалистической партии и готовится к возможной реинтеграции в нее в качестве движения. В то время как Сежурне умножает организацию мероприятий со своим коллегой Исмаэлем Эмельеном в Берси в пользу своего кандидата, используя ресурсы министерства, приглашает менее чем через два года несколько тысяч предпринимателей и столько высших руководителей, которым они немедленно предлагают кампании по сбору средств в пользу своего чемпиона, Атталь дискретно объединяет группу "молодых людей с макроном", которая станет основой движения *En Marche* и станет его локомотивом. Не разоблачая себя, стараясь не потерять свое положение и не потерять возможности

29 За ним последовали другие руководители Макрони, Седрик О., голландский советник, который стал одним из ближайших советников Макрона, сделав свою сестру Дельфину О. Мунир Махжуби депутатом парламента, как только она была назначена, как и планировалось, членом правительства.

30 например: https://wikileaks.org/macron-emails/emailid/8357

социалистического дубляжа, он получил, параллельно со своим министром, обещание о назначении на одну из самых престижных должностей, обычно занимаемую высокопоставленными французскими государственными служащими, в отделении ООН в Нью-Йорке, занимающемся вопросами здравоохранения. В возрасте 26 лет ему был гарантирован либо депутатский, либо дипломатический иммунитет для международных гражданских служащих и, в дополнение к различным надбавкам, удвоение его оклада, что сделает его одним из первых 2% в стране. Все это при полном незнании своего босса, которому Франсуа Олланд обещал Матиньон и которому Аттал продолжает поклясться в верности. Всё это, благодаря нашим налогам.

*

Неудачи, которые следуют за этим, уже не имеют значения, в системе, где отношения влияния имеют приоритет над идеями и обязательствами. Смерть его отца освободила Аттала от деспотичной опеки и позволила ему официально оформить его отношения с Сежурне через систему PACS, которая запечатала альянс двух столиц.

Используя социальные ресурсы, полученные за время работы в SciencesPo, Габриэль Аттал рекомендует "хорошо обученных" людей, доверие которых гарантировано их членством в тех же социальных сетях, что и те, которые он инвестировал после эльзасского периода, и делает это в целом в Séjourné, что подкрепляется притоком Макрона, знает, как вернуть Атталу то влияние, которое он может получить от него. В это время не говорят ни политических слов, ни обязательств, ни представления о том, почему все это делается, за исключением того удовольствия, которое получаешь, и ожиданий, которые от этого ожидаешь. Амбиции пустые, ничего не несущие и не требующие, волнение удовлетворяет и, напрасно, имеет только вкус предательства. Макрон, который оказался в чрезвычайной ситуации из-за политической катастрофы, затронувшей всех кандидатов в системе, должен очень быстро создать

сети доверия, чтобы создать впечатление готовности. Потребуются месяцы, чтобы более или менее серьезные предложения, чтобы, наконец, появиться, его советники, будучи столь же неспособным к воображению и мысли, как он, мобилизуя усилия, чтобы попытаться "думать" супруги и родители, в безразличие и доброжелательность прессы слишком возбужден захват, который, кажется, превышает его. Введенное в действие коммуникационное устройство делает эту сложность явным преимуществом, превращает слабость в оригинальность и позволяет маскировать безрассудство поспешно проводимой кампании, чтобы не допустить победы кандидатов вне системы и олигархии.

*

Аттал прекрасно понимает, что он может сделать для этого молодого человека по имени Сежурне, который не покинул грандов и не социализировался среди парижской элиты. Логика борьбы с увольнением на работе его бывших одноклассников в эльзасской школе, несмотря на то, что экономический кризис и политика хищничества начинают создавать воронки среди элит, дает ему заметное преимущество. Находясь во власти в расширяющемся пространстве, он привлек около десяти молодых людей к сетям зарождающейся Макронии, которых он просил, испытывал и рекомендовал. Их имена полны Macronleaks, которые разоблачают обмен самоуспокоительными письмами, смешивая их без каких-либо амбиций и сервисных предложений без какого-либо содержания. Аттал, который находится на стыке реляционных сетей, смешавших старые эльзасские и новые эльзасские сети, знает, как играть в них, и создаваемая система позволяет ему, когда он не получает социалистических инвестиций в Гаутс-де-Сина, немедленно восстановиться.

Когда он получает из ничего и без всякого оправдания один из самых популярных и легкодоступных избирательных округов страны, никто не двигается, потому что никто не знает его или механизмы, которые позволили ему подняться[31]. В В Ванве и Исси-ле-Мулино, в

31 "Он знает - "за то, что выбрал их", он хвастается перед своими родственниками - перед каждым избранным чиновником ЛРЕМ. Ле-Пойнт, 12 октября 2017 года.

нескольких шагах от Парижа, где местный барон Андре Сантини, занимавший эту должность двадцать лет, принял решение не баллотироваться на переизбрание, где более 60 процентов избирателей только что проголосовали за Эммануила Макрона, человека, чья супруга входит в комитет по выдвижению кандидатур в качестве представителя президента Республики, сейчас открывается бульвар. Эммануэль Макрон вот-вот будет избран, Атталу осталось только формализовать свою *приверженность*, слегка перерисовать свое резюме, притвориться, что он собирался запустить StartUp и без особых кампаний получить свое автобиографию. 18 июня 2017 года он вошел в это Национальное Собрание, которое он так хорошо знает и в котором Александра Р., теперь забытая, представила его за несколько лет до этого.

Немедленно обстрелянный *кнут* Комитета по вопросам культуры и образования благодаря молчаливой поддержке супруги, которая продолжает молчать об их отношениях и, став политическим советником Елисеи, отвечает за контроль за распределением должностей в новой ассамблее - Аттал легко принимает непонятное влияние для квидама на своих новых коллег-парламентариев. Кормленный у источника власти, зная о всех уверенности Елисей, всегда на шаг впереди, скрывая все причины своего вознесения, он был назначен после принятия закона о создании Parcoursup, катастрофическое осуществление которого до сих пор не будет иметь никакого влияния на будущее событий. Из его близости к Елисейскому замку, причины которого так и не были объяснены, следует, что его восхождение на должность журналиста, отстраненное от политики секретности, проводимой в *замке, вызывает у* него вспенивание информации, создает впечатление надменности и превосходства. Доступ к власти завораживает и оправдывает *задним числом* различие, которое в противном случае никто бы не воспринял. В этот момент никто не заинтересован в том, чтобы разоблачить источники его вознесения. Ложная скромность в моде в олигархии, в сочетании со страхом перед *прогулкой, который будет* плохо восприниматься, защищают мистику Атталь и ее способность

навязываться. Здесь он перегоняет анекдоты справа налево, тщательно освещая источники своего вознесения, получая от Ричарда Ферранда все, что приказывает ему супруга.

Однако эта огромная столица все еще нуждается в трансформации в печально известную. Несмотря на провал *Паркурсупа*, погрязшего в бесконечной полемике и отсутствии каких-либо фактов славы, с сомнительной харизмой и неопределенным красноречием, молодой депутат, тем не менее, был подвергнут нападкам как пресс-секретарь президентской партии в декабре 2017 года, несмотря на всю логику. Неизвестный значок, двадцать восемь лет, не имеющий жизненного опыта, изначально не мог вызвать никакого интереса, и на его изготовление ушло два месяца, чтобы спровоцировать любую статью об этом.

Именно тогда Сежурне получил от Элизе приглашение на утреннюю встречу *France Inter в* разгар мобилизации железнодорожников и студентов вместо Жана-Мишеля Бланкера, который прекрасно знал, какой интерес он проявит к тому, чтобы не разоблачать себя.

Именно тогда уверенность класса, которую он демонстрировал с самых ранних лет, находит место для выражения. Его провокации направлены лишь на то, чтобы, наконец, дать о себе знать, и, очевидно, зарождающееся раздражение показывает, что эта роль сработала. Интрижка, если бы она могла волноваться, успокоила Макрона, который увидел в этом мальчике потенциальный бампер, чье высокомерие превысило его собственные, и кто бы тогда знал, как отвлечь удары. В своем округе Аттал без колебаний разорвал забастовку истощенных почтовых работников, раздавая почту, переодетую в служащих бывшей государственной службы, чтобы "защитить своих избирателей" и умножить следы отношений с миром, которые больше не должны были скрывать его истинный характер.

Социалистические годы прошли, и истинная мысль о том, что строится и учреждается его классом и для его службы,

который, как и Макрон, больше не имеет оснований скрывать это. Он едва успевает проголосовать против запрета после публичного заявления о том, что хочет его запретить, поддержать спорный законопроект о *фальшивых новостях,* описать итальянское правительство как "рвоту" и призвать к мобилизации против "момопротеста", которого[32]ждет следующий шаг. Менее чем через год после его избрания, всего в 28 лет, в качестве президента парламентской группы большинства в своей стране, Аттал снял свою кандидатуру только после того, как получил заверения, что через несколько недель ему будет предоставлено министерство. Элисей только что предложил ему сети Мими Маршанд, начав пропагандистскую кампанию, направленную на подготовку и легитимизацию его назначения на *пост* правительства *апостериори.* Габриэль Аттал, которому исполнилось двадцать три года и зарплата которого составляет почти шесть тысяч евро в месяц, а в настоящее время три штатных сотрудника работают исключительно для реализации его амбиций, не продемонстрировав ни малейшего представления и приверженности, после того как он обменял дворецких и служебные машины, которые служили ему в Министерстве здравоохранения в возрасте от 22 до 27 лет, на должности депутатов Ассамблеи, без особых усилий воссоединяется, по чистой инерции, в самом центре французского государства. Когда 16 октября 2018 года он был назначен государственным секретарем министра национального образования и по делам молодежи, наделенным соответствующими бюджетными и политическими полномочиями и отвечающим за осуществление универсальной службы, он и его супруга, возможно, были единственными, кого это не удивило. Затем появился анекдот о незначительном внешнем виде: спустя более года после его избрания молодой член парламента еще не открыл свою кандидатуру на выборный пост в момент своего назначения. Как будто восходящая *звезда* Макронии была не в состоянии остановить себя от того, чтобы рассказать своим избирателям, как много, в ее путешествии, они не имели значения.

32 https://www.20minutes.fr/societe/2328551-20180831-depute-lrem-gabriel-attal-demande-mesures-contre-momo-challenge-gerard-collomb

*

По мере того, как люди спешат, давайте закончим эту басню простым утверждением: эти существа не коррумпированы, потому что они развращены. Механизмы воспроизводства элит и парижского "я", безосновательная аристократизация буржуазии превратили нашу страну в зайца, высокомерную, посредственную и злую веху.

Нигде нет ни малейших амбиций, ни малейшего стремления к обязательству или пожертвованию. Остается один вопрос. Неужели мы думали, что эти существа будут служить идеям, тем, кто сформировался в служении интересам? Неужели мы думали, что эти люди вырастут, они, которые на протяжении всей своей жизни были довольны, чтобы служить построить амбиции, которые ничто не может выдержать? И действительно ли мы думаем, что в таких обстоятельствах остальная часть истории должна быть рассказана?